№ ....

БЕРЕГИТЕ КНИГУ!

Не перегибайте книгу во время чтения

Не загибайте углов

Не делайте надписей на книге

Не смачивайте пальцев слюною, перелистывая книгу

Завертывайте книгу в бумагу

Отдел Ленингр. Губ. К-та ВКП (б) по изучению истории Октябрьской Революции и ВКП (б)
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСТПАРТ
„ИЗ РАБОЧЕЙ ЖИЗНИ и БОРЬБЫ“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. К. КЛААС

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ НА РЕВОЛЮЦИОННОМ ПУТИ

Из воспоминаний о рабочем движении в Петербурге и Прибалтийском крае в 1904—1905 гг.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД 1926

Ленинградский Гублит № 7763. Печ. 7.000 экз.—4 л. Заказ № 1461.
Государственная типография им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая ул., 14.

I

В Петербурге

1. НАКАНУНЕ.

1905 год—первый этап революционного массового рабочего движения охватившего всю Россию и поэтому для изучения этого движения не лишним является каждая строчка, каждый штрих о нем, ибо только с наиполнейшим выявлением революционных фактов этого периода мы сумеем сделать правильные выводы о глубине и широте революции.

Я здесь буду касаться только фактов, мною самим пережитых, попробую их связать с общим движением, чтобы получилась—на сколько это возможно—целая картина так как давность времени и скудность фактического материала, оставшегося у меня при эвакуации из Эстонии в Советскую Россию, не позволяет полностью обрисовать события.

Приехав из города Пернова в Питер в 1902 году, я случайно поселился в самом центре рабочего района — на Выборгской стороне, в доме, сплошь заселенном рабочими. Около 40 рабочих семейств жили одной жизнью пролетариев, мечтали о скоплении на черный день несчастной копейки, думали улучшить свое жалкое существование и стать независимей. Но суровая действительность тянула их все глубже и глубже в цепкие лапы капиталистической машины, освободиться от которой возможно было только самоотверженной политической борьбой. Люди, о которых я говорю, были рабочие маленькой фортепьянной фабрики Беккера, находившейся на Сампсониевском проспекте. Большинство из них были эстонцы, хозяин был типом поднимающегося буржуйчика, новым конкурентом в капиталистическом мирке, но он не имел еще достаточного количества оборотных средств и по этой причине часто задерживал выплату рабочим их заработка, еще больше закабаляя их этим и прикрепляя к своему предприятию. Не было у него ни одного рабочего, которому он не был бы должен 60—70, а часто и 500—800 р.—

сумма очень значительная в то время, дававшая поводы рабочим развивать мечты о самостоятельности и т. д. Чтобы не вышло недоразумения у читателя относительно величины накапливающейся у рабочих суммы при максимальном заработке в полтора рубля в день, я должен для пояснения рассказать о том, как работали рабочие на этой фабрике.

В первую очередь надо указать, что на фабрике в полном смысле этого слова отсутствовали, вернее, игнорировались, даже царские законы и мерилом продолжительности рабочего дня была физическая выносливость рабочего; когда он от изнеможения не в состоянии был продолжать работу,— он тут же ложился отдыхать на станок или полуготовый рояль с тем, чтобы через 2—3 часа вскочить и вновь начать выматывать из себя остатки сил.

Бывали случаи, когда некоторые рабочие по неделям безвыходно находились на фабрике и лишь по воскресеньям выходили из нее.

Система оплаты рабочим была сдельная, заработок же систематически задерживался хозяином, который давал только обещания, что в самом непродолжительном времени произведет полную расплату, благодаря чему рабочие получат сразу много денег и смогут открыть свои собственные мастерские. Так этими мечтами и жили. Рабочие работали, хозяин не платил,—первые в чаянии будущих благ и „колоссального“ заработка мнили себя богачами, а последний спокойно клал свои барыши и рабочие кровные гроши себе в карман.

Конечно, это продолжалось до поры до времени и кончилось тем, что предприятие лопнуло, хозяин обанкротился, а вместе с этим все мечты и надежды ни в чем не повинных рабочих полетели в трубу.

В такой среде и в атмосфере бурных экономических отношений пришлось мне жить, когда нагрянула Русско-японская война.

Эстонский рабочий, работавший в то время в Питере в качестве мастерового, в культурном отношении считался выше остальной рабочей массы,—почти все эстонцы читали газеты, ходили в театры, одевались лучше и т. д. Классовое же сознание было такое же или даже ниже, чем у его русского товарища, у которого реже можно было встретить

различные утопии насчет самостоятельной жизни, как хозяина и собственника.

Одним словом, политическая жизнь совершенно отсутствовала, а указанная выше экономическая борьба не могла перейти в политическую главным образом потому, что эта борьба велась в стенах самой фабрики и при том по семейному — рабочий настаивал на уплате ему жалованья, хозяин уплатить обещал, но только обещал, чтобы не было раздору, выдавал авансом иногда ту или другую сумму. Так продолжалось вплоть до банкротства.

Русско-японская война внесла совершенно иную струю в нашу жизнь. Образовалось в нашей среде как будто две группы: одна—более состоятельная, вышедшая из эстонских кулаков и мещан, держалась первое время на стороне ура-патриотов, обещавших закидать шапками японцев, хотя от активного участия в патриотических демонстрациях воздерживалась и в некоторых отношениях даже презирала лицемерие правительства, снабжавшего армию не только снарядами, но и вагонами икон, попов и пичкавшего всех различными „торжественными“ церковными церемониями. Другая группа — чистые пролетариии—нстинктивно враждебно относилась к войне и всем мерам, связанным с ней, со стороны правительства и патриотов.

Неудачный ход военных действий на Дальнем Востоке способствовал тому, что вера в силу и мощь самодержавного царя у наших ребят сильно поколебалась.

Не мало тому же способствовала и нелегальная литература, которая при моем посредстве проникала в среду беккеровских рабочих.

Я в течение года имел возможность получать через служащих главного почтамта не только „Освобождение“, издававшееся Струве за границей, но не редко и номера соц.-демократической газеты „Искра“.

Читал я эту литературу сперва тайком, один, никому не показывая, пользуясь материалами ея только во время споров по тем или иным вопросам, а потом, когда и легальные газеты начали писать иным языком, чем писали раньше,— бросил и я свою конспирацию и не только передавал знакомым рабочим полученную мною литературу, но посылал ее также по почте в свой родной город Пернов.

Постоянные литературные новости и мой общительный характер сделали мою квартиру центром сбора не только для наших рабочих,—ко мне собирались часто знакомые ребята и из других фабрик и заводов, и мы засиживались часто до поздней ночи, обсуждая те или иные вопросы.

Помню, как вчера, эти горячие споры между двумя группами, из которых одна называла меня анархистом, а вторая хотя и соглашалась со мной во многом, но осуждала меня за резкость в суждениях, предсказывая, что с такими взглядами я когда-нибудь провалюсь.

Такое житье-бытье продолжалось до 1904 года. Я к этому времени, с некоторыми товарищами прежнего нашего бекеровского житья, перебрался на Петербургскую сторону. Часть ребят, живших со мною теперь, работала на фабрике Шредера, а часть—в разных других мастерских.

Как то вечером товарищ, работавший у Шредера, принес с фабрики прокламацию, призывающую в воскресенье 28 ноября собраться к Казанскому собору. В прокламации было возмущение против войны, яркими красками описывались бедствия, которые она несет с собою, и сознательных рабочих призывала к протесту против нее.

До сих пор революционная литература, получаемая и распространяемая мной, была откуда то из далека, из-за границы, а тут попал листок, выпущенный нашими городскими организациями, он был как то ближе и понятней; как-то особенно волнующе чувствовалось, что вот тут, где то близко, близко, бьется революционное сердце своих же товарищей. Это делало прокламацию еще более привлекательной, и в душе загорелось страстное желание найти этих людей, поговорить с ними и войти в их среду.

Что эти люди были студенты — сомнений не возникало, так как в большинстве случаев участниками в революционной работе были в то время они. Кроме того, они часто устраивали демонстрации против правительства и я полагал, что в деле изданий прокламации главную роль должны играть они.

Такие мысли пришли в голову не мне одному, со мной были согласны и остальные товарищи. Что рабочий тоже мог участвовать в этой работе, главное — активно участвовать, об этом думали мало, а если отдельные рабочие и были

связаны с подпольными кружками, то, по общему мнению, они находились там более для связи, чем для какой либо серьезной работы.

В воскресенье я получил свое первое боевое крещение. Не важны были те удары, которыми угощала меня шашками царская жандармерия, а та именно картина, которую я увидел и которой не могу забыть до сего времени.

Проехав с Петербургской стороны на конке по Садовой до Невского, я не заметил первоначально ничего особенного. Невский, как Невский: магазины торгуют, праздничная толпа гуляет у Пассажа... Неужели ничего нет? Может быть провалились? Так думал я наблюдая кишащую как муравейник праздную толпу, внешне совершенно не походившую на голодную бунтующую массу.

Лица спокойные, довольные, без всяких признаков заботы и волнения.

Так дошли мы почти до Михайловской улицы, когда навстречу прискакала целая ватага жандармов, стегая шашками бегущих впереди них людей.

Как по мановению волшебной палочки, все ворота, двери и магазины оказались закрытыми, счастлив был тот, кто успел пораньше куда-нибудь приткнуться. Я оказался не из их числа и, как был, так и остался стоять на панели и наблюдать, что будет дальше.

Невский сразу опустел. Убегающие студенты пытались спастись, смешиваясь с находящейся на тротуарах толпой, и вместе с последней искали надежного убежища.

Жандармы, когда заметили, что главные их жертвы удрали—начали изливать гнев свой на простых смертных, раздавая удары шашками направо и налево—на кого попало и куда попало. У меня оказалась рассеченной шляпа, и я не знаю, как пошло бы дело дальше, если бы мне не удалось скрыться в подвале стоящего рядом дома, куда с лошадью мудрено было бы забраться.

Вот здесь то и разыгралась та картина, о которой я упоминал выше, и которая навсегда останется у меня в памяти. Только что думали мы выйти из подвала, как заметили бегущего по улице студента и несущего молодую девушку в глубоком обмороке. За ними гнались шестеро пеших и конных городовых. В момент, когда студент поравнялся с нашим

убежищем, догонявшие схватили его и, пока пешие городовики вырывали из рук юноши девушку, конные беспощадно колотили его шашками. Весь окровавленный студент оставил свою ношу и пытался было сопротивляться, но сильные удары свалили его. Он падал, подымался, снова падал, пытался укрыться где-нибудь, но удары шашек беспощадно преследовали его, пока он не упал, в конце концов, совершенно без сил.

В это время пешие городовые, вырвавшие девушку, бросили ее на земь и, еще бесчувственную, начали с остервенением топтать своими тяжелыми сапогами.

Последовал душу раздирающий крик, после чего все затихло. Самым худшим было то, что на это варварство ты принужден был смотреть, сознавая свое бессилие. Здесь же, перед твоими глазами совершается самое гнусное и зверское насилие со стороны десятка вооруженных до зубов царских опричников, а ты стоишь и видишь и ничего не можешь сделать. В этом и весь ужас.

Всего я ожидал от царского произвола, но эта картина была сверх всего воображаемого. Если бы в ту минуту у меня было какое-либо оружие, то я не совладал бы с собою—стрелял или колол бы этих палачей, не заботясь об ожидавшей меня участи. Но у меня не было ничего, а голыми руками ничего не сделаешь.

В это время улица очистилась от городовых и мы имели возможность двинуться на Михайловскую.

Тут сел я на империал конки, откуда видно было, как дворники и шпики колотили арестованных, находившихся в окружении громадного конвоя. Конка вскоре двинулась и я уехал, увозя в своей душе глубокое возмущение, влившее в меня свежие силы для борьбы с царским произволом.

После этой демонстрации я еще усиленней начал искать связи с революционными организациями, но несмотря на мои попытки, все было напрасно. Товарищи, с которыми я жил, тоже не могли помочь мне в этом деле, хотя и говорили, что на фабрике имеются люди со связями с революционными организациями, но они скрывают это.

В маленькой же мастерской, где я сам работал, таких товарищей не оказалось и приходилось в одиночку своей собственной головой прорабатывать все вопросы, которые выдвигала жизнь перед каждым мыслящим человеком.

2. ПОДГОТОВКА К 9 ЯНВАРЯ.

Так прошло время до конца декабря этого же 1904 года, когда среди рабочих стал распространяться слух о предполагающемся выступлении путиловцев. Говорили, что будто бы во главе движения стоит поп Гапон. Поговаривали, что этот поп часто выступает перед рабочей массой, что он хороший оратор и чуть ли не социалист, так как сочувствует рабочему делу. Я не знаю, было ли это инстинктом или потому, что мы, эстонцы, не так близко связаны с православием и церковью,—только известие это не особенно сочувственно было встречено нами и мы ему даже не поверили. Чувствовалось, что здесь что-то кроется и если во главе движения становится поп, то это не спроста. Так в спорах, разговорах и ожиданиях провели мы рождество и Новый год.

Моя квартира, как и раньше, была местом сборища рабочих, знакомых. По воскресеньям нередко у меня собиралось по 10 — 15 человек. Большею частью это были эстонцы,—рабочие разных фабрик и заводов Петербурга, но было кроме них несколько солдат из конвойной команды и почтово-телеграфные служащие.

Шли беседы, иногда игры; вообще концентрировался тесный кружок надежных товарищей и недоставало только руководителя пропагандиста. Естественно, что в эти дни наша беседа вертелась, главным образом, около слухов о тревожном настроении среди рабочих и в ожидании чего-то необычного.

Не помню точно—4 или 5 января, товарищ, работавший на фабрике роялей Шредера, опять принес прокламацию с призывом к рабочим фабрик и заводов присоединиться к забастовке Путиловских рабочих.

Товарищ добавил, что у них постановлено 7 января прекратить работу, а 8-го вечером—быть на собрании в помещении гапоновского О-ва Петербургских рабочих в этом же районе.

В указанное для собрания время, я с другими своими товарищами был уже на месте. В ожидании дальнейшего

мне в голову лезли разные мысли; еще проходя по улице, мы заметили, что пустынные по обыкновению рабочие окраины сегодня значительно оживились и нетрудно было обратить внимание на то, что множество народу шло все в одном направлении—это шли на собрание рабочие, все с серьезными лицами, сосредоточиваясь в мыслях на предстоящем выступлении.

Все знали, что сегодня на собрании будут вырабатываться те требования, которые от их имени батюшка Гапон пред‘явит „батюшке“ царю. Примет ли их царь? Допустят ли их завтра собраться? Вот вопросы, которые роились у всех в голове. Какой ответ даст царь? Выполнит ли он их требования?

Приходилось удивляться, почему до сих пор, несмотря на явные приготовления, совершенно бездействует полиция и не принимает никаких мер.

Прежде чем я с товарищем попал в помещение, пришлось убедиться, что это не так-то легко сделать. Перед домом, где происходило собрание, было очень много народу, пропускали по очереди, а в зале, говорили, положительно стояли друг на дружке. Собрание шло полным ходом..

Говорили, что выступают студенты. Что-ж делать?—приходилось питаться слухами и ждать. Так собралось нас тысяч до полутора, и все это был серый рабочий люд.

Особенного шума и гула слышно не было, был только тихий разговор и собеседование.

В это время медленно приблизились на лошадях помощник пристава с двумя городовыми, но, не говоря ни слова, эти блюстители порядка так же незаметно скрылись, как появились.

Приблизительно через полчаса зала опустела и тут же моментально была заполнена новым приливом людей. Нам, не жалея своих мускулов, удалось так же проникнуть туда и тут только почувствовали мы удовлетворение, выполнив трудную задачу.

Я иногда часто думаю; какая коллосальная разница между рабочими тогда и теперь. Смело можно сравнить прежних рабочих с маленькими детьми, подход к которым

должен был быть очень нежным и осторожным. Такой подход к массам я и заметил у докладчика. Он коснулся в своей речи пунктов гапоновской петиции 9 января, и по порядку об‘яснил и раз‘яснил ее так, чтобы все его поняли. Докладчиком был как раз известный потом эс-эр Борис Эйхенбаум. Я случайно узнал его спустя полтора года, когда сидел в „Крестах“, где мы встретились. Он был первым оратором из революционной среды, которого мне пришлось услышать Ушел он потом с революционного пути.

— „Все наши транспортные и военные суда должны строиться здесь у нас в России“,—говорил докладчик,—„почему мы должны платить десятки миллионов денег за границу, а наши рабочие сидят без работы и голодают, тогда как заграничные банкиры получают огромные барыши? Разве это не правильно, товарищи? — „Правильно, правильно“—загудела масса.

„Война например: зачем нам война? Разве у нас мало земли, зачем нам ехать туда, за десятки тысяч верст, чтобы убивать и быть самому убитым. Нам не надо войны. Но война нужна богачам, нужна капиталистам, нужна для того, чтобы захватить чужие рынки, вот для чего война. Правильно ли я говорю, товарищи“?—И опять со стороны толпы: „Правильно, правильно“.

„А что мы должны делать в том случае, если царь откажется нас завтра принять, если он не захочет с нами говорить? Ведь он наш отец, а мы его дети. Мы ведь пойдем к нему с миром, с просьбой, а что, если он не захочет слушать нашу просьбу, не захочет даже видеть нас? Тогда он не наш отец, нам такого отца, который не видит страдания наши и не придет нам на помощь, не надо“.

И опять загудела масса: „Правильно, правильно! Долой такого отца, такого отца нам не надо“, и т. д.

Так пункт за пунктом были пересмотрены и подтверждены массовым „правильно“ все требования рабочих, после чего зала опустела, чтобы дать место новым товарищам, стоящим сотнями на улице. Собрание продолжалось таким образом до поздней ночи, пока все не разошлись, чтобы снова собраться завтра. В этом „завтра“ чувствовалась вековая скорбь, рабство и отчаяние.

3. 9 ЯНВАРЯ.

Первая мысль, когда я рано утром проснулся, была о том, что нужно идти на улицу, посмотреть, что там делается. Нет ли какой-либо перемены или препятствия, которое помешало бы провести в исполнение постановление рабочих масс в предыдущие дни.

Как-то не верилось, что царская охранка, так беспощадно расправившаяся полтора месяца тому назад со студенческой демонстрацией, спокойно будет смотреть на происходившее кругом и беспрепятственно допустит коллосальное шествие рабочих по улицам Петербурга, хотя бы эта демонстрация имела совершенно мирную цель.

Мои опасения подтвердились. Квартирная хозяйка в волнении сообщила, что на улице везде солдаты и город выглядит, как большой военный лагерь.

По выходе на улицу, в первую очередь, бросились мне в глаза солдатские пикеты, густо покрывшие берег Невы—они охраняли подступы через реку. Такие же пикеты, но в бо̀льшем количестве, стояли у Троицкого моста. Здесь часть солдат стояла на посту, а часть сгруппировалась и грелась у ярко горевших костров.

Прохожих было мало и пока никому не препятствовали идти, куда вздумается.

Нам с моим товарищем нужно было добраться до Малой Гребецкой, где был назначен сбор Петербургской стороны, и мы направили свои шаги в эту сторону.

Как вчера, так и сегодня, в рабочих районах отсутствовала полиция, вероятнее всего она была собрана в самом центре города, требовавшем бо̀льшего внимания. То там, то здесь встречали мы группы рабочих, которые шли с серьезными лицами на места сбора.

К месту сбора мы немного опаздали и встретили демонстрацию, когда та поворачивала с Большого проспекта по Каменноостровскому к Троицкому мосту. Весь проспект чернел народом, который, как черная лента, двигался вперед.

Ни красных знамен, ни призывающих на борьбу плакатов, ни революционных песен, ни боевых лозунгов, которые мы слышим теперь на наших пролетарских демонстрациях,—тогда не было. Здесь чувствовалась совершенно иная сила. Здесь чувствовалось,—как будто двигает эту массу влияние какого-то гипноза, что идет она под влиянием религиозного экстаза, под влиянием какой-то веры, старой, отжившей, но все-таки достаточно сильной, чтобы соединить эти десятки тысяч людей.

На площади перед Троицким мостом было выставлено несколько рядов солдат, державших винтовки на прицел. Какой-то высший чин приблизился к толпе с приказанием итти назад. Каждому было понятно, что сразу остановить невозможно десятитысячную массу. К тому же слабенький голос, которым было сделано это приказание, мог быть слышен только передним рядам, которые при всем желании остановиться не могли бы, ибо напор идущих сзади толкал их вперед.

Толпа все шла и шла вперед, несмотря на то, что и второй и третий раз раздалось: „назад". Не заметила она и предупреждающих звуков сигнала. Только раздавшиеся затем выстрелы пробудили массу от летаргического сна.

Не найдется, наверно, пера, которое сумело бы обрисовать ту картину, что за тем последовало.

Суматоха, крик, шум, проклятия, стоны раненых, визг и трескотня винтовок—все это слилось в одно целое, в общий гул ненависти и презрения.

„Царь расстреливает своих детей, палачи убивают мирных безоружных людей. Вот ответ на нашу просьбу; вот ответ на нашу мольбу! Так пусть про̀клято будет то священное, что до сих пор связывало нас!"—Вот, что говорил общий голос возмущения и стона.

Передние ряды после первых выстрелов попытались податься назад, но под напором все еще движущихся задних рядов они должны были разбегаться по переулкам, откуда их выталкивала жандармская конница, в свою очередь беспощадно избивая.

После нескольких таких кавалерийских атак, толпа скоро очистила улицу и площадь, скрываясь большей частью в ближайшие дворы, сады и переулки. На поле битвы остались, как добыча победителям, десятки убитых и раненых, которые были потом убраны пожарниками, приехавшими на пяти или шести подводах.

Сколько же было убитых и куда их трупы увезли, это нам узнать не удалось.

Первые выстрелы как будто парализовали меня: рядом падают товарищи, несутся стоны, крики о помощи, со всех сторон атакующая нас конница, а я стою, как окаменелый. Наконец, сознание ожило, и я побежал, спасшись каким-то чудом, из этого ада.

Вскоре после моего возвращения прибежал домой и мой товарищ, которому также удалось спастись. Уже находясь дома, мы слышали частую трескотню винтовок, продолжавшуюся до позднего вечера то в одном, то в другом месте города.

Такова была участь, постигшая демонстрацию Петербургской стороны, но такая же судьба была и Выборгской стороны. Без всяких инцидентов дошла она до Малой Дворянской улицы,—там с двух сторон врезалась в нее „шашки наголо" конница, за первым отрядом второй, третий, и через несколько минут вся демонстрация, под напором кавалерийских атак, принуждена была отступить. Хотя и со стороны толпы была сделана попытка прорваться сквозь цепь конницы, но новые напоры кавалерии в конце-концов принудили всех разойтись.

Вечером весь город был в темноте, шли погромы магазинов. То орудовали наемники охранки и хулиганы.

4. В ОРГАНИЗАЦИЮ! В ОРГАНИЗАЦИЮ!

Нужно иметь очень яркое перо, чтобы описать настроение рабочих масс до и после 9 января 1905 г. Перемена была такая колоссальная, что словами ее обрисовать невозможно. Прямо чувствовалось, что это не те люди, не тот серый мужик, который всей своей душой верил в царя-батюшку, молился за него и с попами и иконами шел искать помощи у него. Нет, теперь это был уже проснувшийся пролетарий, нашедший свою классовую линию, но еще неорганизованный, еще не знающий своей силы, не чувствующий своей мощи—мощи организованного пролетариата.

Что пролетариат проснулся—это можно было заметить в тот же вечер 9 января, и доказательством этого служила баррикада на Васильевском острове, распиленные и сломанные телеграфные столбы, а, главным образом, та ненависть, те проклятия, которые неслись из уст тех, кто имел пролетарский дух и причислял себя к рабочему классу.

Особенно заметна была эта перемена на следующий день, когда даже мальчики с ругательствами и проклятиями провожали полицейских и казаков, гарцовавших на лошадях по всем улицам и разгонявших народ, когда тот делал попытки собраться.

„Палачи, мерзавцы, разбойники, убийцы!"—вот чем, главным образом, отвечало тогда население на полицейский приказ „разойтись". Кроме ненависти, в бросаемых проклятиях ясно чувствовалось ее презрение:

В душе рабочей массы старая вера погибла, погибла безвозвратно.

Такое было у всех настроение, когда я на следующий день с товарищем прошел по городу, чтобы посмотреть следы вчерашних битв.

Особенно яркие следы остались от нее у Александровского сада и Малого проспекта на Вас. острове. Показалось, будто здесь прошел ураган и разрушил все, что попало на пути. Были мы и в нескольких приемных покоях, где лежали убитые царским произволом.

Вечером, возвращаясь домой, волей-неволей мысль концентрировалась на всем пережитом и искала выхода, который в конце-концов был найден. Это: „В организацию! В организацию!"

Никогда потом, даже после «Октябрьской весны»—я не видел у рабочих такого энтузиазма и стремления войти в организацию и искать связи с ней, как после 9 января. Такое же чувство переживалось мною только во второй раз—весною 1923 года, в дни 25-летия нашей партии и после смерти т. *Ленина*. У всех, с кем пришлось говорить в это время, главной темой была—организация, организация.

„Потому мы разбиты, что мы не организованы, спасти нас может только организация" и т. д. и т. п.—вот, что говорили рабочие после 9 января 1905 г.

Как бы добиться связи с организацией—это стало главной задачей у меня. К какой же организации я стремился—

точно еще разобраться в этом не успел, ибо не был знаком с программами политических партий. Требовал я от партии, чтобы она была революционная и вела энергичную борьбу против царского произвола.

В одно воскресенье в конце января пришел ко мне один из рабочих бывш. фабрики Беккера, т. Тинт, и пригласил на собрание, которое будто бы должно было состояться у одной курсистки на реке Пряжке.

Мы с товарищем сели в конку, чтобы ехать на долгожданное собрание. Я был в нервной лихорадке, не от страха, а от мысли, что, наконец сбылись мои мечты.

Но в этот вечер собрание не состоялось. Встретили нас две девицы, очень похожие на студенток или курсисток, которые передали, что собрание почему-то отменено. Опять неудача. Девицы, записав мой адрес, обещали послать „товарища“ ко мне, если я соберу собрание у себя, что я и обещал сделать.

Собрание у меня было назначено на следующее воскресенье, и эта неделя была использована для передачи сведений товарищам о предстоящем собрании.

Вспомнил о товарищах, бывших участниками споров и прений на фабрике Беккера,—с некоторыми я держал еще тесную связь, и решил пригласить на это собрание и их.

И вот к назначенному времени в нашу квартиру собралось человек сорок рабочих, большей частью эстонцев,—из разных фабрик и заводов. Даже пропагандист, посланный курсисткой, испугался вначале такого количества собравшихся, опасаясь провала собрания.

Но квартира у нас была хорошая.

Жил я с товарищем, с которым переживал и студенческую демонстрацию и 9 января. Мой квартирный хозяин был эстонец и имел маленькую мастерскую пианино и роялей. Вот в этой мастерской мы и собрались.

Пропагандист, под кличкой «Игнатий», блондин, бывал потом несколько раз у нас. Арестовали его перед 1 мая 1905 года. На описываемом собрании он начал свою речь об истории революционной борьбы в России. Говорил он о декабристах, о борцах 60-х годов, рассказывал о „Земле и Воле“, потом перешел к „Народной Воле“ и, описывая все

эти этапы, перешел к стачечным движениям, которые происходили в начале 1900-годов на юге и западе в России.

Он оказался представителем революционной организации большевиков. Сперва его речь не захватила собравшихся. После часовой его речи во время перерыва со стороны слушателей были требования дать более современную тему, дать тему о последних событиях, дать указания, что должен делать рабочий класс, что предпринять? Вот на эти животрепещущие вопросы хотели и ждали рабочие ответа.

В конце своего доклада докладчику уже удалось захватить слушателей, и оратор и слушатели жили одной мыслью, взаимно оставшись довольными результатами проведенного собрания.

На этом же собрании товарищи выдвинули меня представителем кружка, также был назначен день следующего собрания, и работа началась.

Помимо собрания наш кружок распространял литературу. В этом отношении способствовали связи, которые я имел—как со многими фабриками и заводами, так и—воинскими частями; работающих там товарищей я использовал для распространения литературы и прокламаций. Как помню, количество распространенных через нас прокламаций часто превышало 1000 экземпляров. Особенно широкое распространение получили прокламации по празднованию 1 мая.

Принес к нам эти прокламации уже не „Игнатий“, а другой товарищ, под кличкой „Григорий“ (с черной бородой), с которым я также сошелся, и он первый мне раз‘яснил сущность разницы между меньшевиками и большевиками, которая в это время ясно уже выявлялась во всех тактических выступлениях той и другой организации.

Кроме Игнатия и Григория к нам заходили еще одна девица и трое молодых людей, но, как их звали, забыл.

5. КТО УЧАСТВОВАЛ В НАШЕМ КРУЖКЕ.

Итак, организация создана, связь имеется, кружок работает, и каждое заседание, каждый доклад развивают твое самосознание, поднимают политический уровень и помогают расширению твоего кругозора. Все это теснее и теснее связывает тебя с интересами общего рабочего дела.

Теперь считаю также необходимым охарактеризовать некоторых участников нашего кружка, выделившихся своею активностью. Описать их тем более не лишнее, что тип русского рабочего, а еще более—рабочего эстонца, брошенного в погоне за куском хлеба из маленьких прибалтийских городов в столицу, в 1905 году был совершенно не тот, что в настоящее время, после целого ряда лет *пролетарской революции* и гражданских войн.

Особенно ярко вспоминаются мне следующие товарищи: *Тинт*—рабочий целого ряда фортепьянных фабрик, телом и душою преданный революции.

Он именно ввел меня в кружок на Пряжке, откуда я достал связь с организацией. Он связал меня в эти бурные дни с несколькими фабриками, которые, благодаря этому, удалось снабжать подпольной литературой.

Где Тинт теперь, я, к сожалению, не знаю.

Второй, *Томсон*, настоящий тип рабочего металлиста, высокого роста, сутуловатый и крепкий как скала, неразговорчивый, но исполнительный, работал он на Металлическом заводе, на Выборгской стороне. Он и его товарищ—*Грюнштам* тоже член нашего кружка,—оказывали мне постоянную поддержку, когда я сидел в „Крестах"в 1906—1908 году. В 1906 г., Томсон состоял членом боевой дружины большевистской организации Выборгской стороны,—т. Грюнштам, который также в то время работал активно с нами, почему-то потом ушел от активной работы, стал простым обывателем и умер, кажется, во время войны.

Интересным типом был т. *Тамман*. Жил я с ним уже года два в одной квартире: с ним я переживал и студенческую демонстрацию в ноябре 1904 года и 9 Января, он же принес мне первую прокламацию, о которой выше была речь, но сам он формально к партии не примыкал. Содействие же партии оказывал всегда, не считаясь ни с какими опасностями.

Ценными личностями были двое почтовых служащих, *Крепецк и Гендриксон*. Через них я получал нелегальную заграничную литературу, толкнувшую меня на революционную деятельность.

Помимо указанных товарищей были в кружке еще человека два-три, более или менее интересующихся делом кружка, их я описывать не буду. Вообще кружок считался работоспособным, особенно в распространении литературы, которое было у нас хорошо поставлено и мы работали без всякого провала. Я часто потом интересовался вопросом, почему у нас не было провала,—мы работали около полугода подряд. Обыкновенно в подпольной жизни такой срок является редким явлением. Охранка еще не успела пронюхать этот уголок рабочей среды, а провокаторов среди нас не было.

В таком привилегированном положении была эстонская организация в Петербурге также и в 1912 — 1915 г.г. В продолжении двух лет она не имела ни одного провала, хотя и имела представительство в Петербургском Комитете РС-ДРП (б) и активно участвовала в общей работе партии.

Так продолжали мы работать до июня месяца, после чего я ввиду безработицы и ввиду того, что давно не был дома, решил уехать в Пернов, где жили мои родители.

Товарищи снабдили меня на дорогу литературой, заместителем наметили *Гендриксона*, но кружок недолго после этого существовал. Некоторые, как и я, уехали, некоторые переменили местожительство, некоторые слились с другими кружками русских товарищей. Совершенно даром наша работа все-таки не пропала, так как многие, посещавшие наш кружок товарищи, в период движения 1905 года активно участвовали в революционной борьбе.

II

В Прибалтийском крае

1. В ПЕРНОВЕ.

Пернов был уездным портовым городом бывшей Лифляндской губернии, с количеством жителей около 25 тыс. человек. Он считался третьим городом по количеству населения и оживленности в эстонской части Прибалтийского края. Что же касается его социального состава, то большинство жителей было из мелких мещан, занимавшихся торговлей, разными кустарными ремеслами и огородничеством, при этом, часть из них в то же время работала, главным образом, на целлулоидной фабрике Вальдгофа, где количество рабочих доходило до 2.500 человек. Кроме того, рабочие были еще на лесопильных заводах, пробочных, спичечной, мукомольной и других маленьких фабриках, а также и в механических мастерских. Если сюда еще отнести портовых рабочих, (по морскому транспорту наш город занимал видное положение, был вторым после Ревеля и в нем нередко нагружались и выгружались в гавани до 10—15 больших заграничных морских транспортов, требовавших сотен рабочих рук), то общее количество рабочей части населения города смело можно считать от 15.000 до 20.000 человек. Несмотря на то, что большинство жителей были мелкие мещане, плюс еще рабочие кадры, — экономическая и политическая власть целиком и полностью находилась в руках крупной буржуазии, главным же образом—немецкой аристократии. В их руках было городское самоуправление, полиция, школы, церковь, и весь промышленный и торговый пульс города, одним словом, все, что давало возможность занимать господствующее положение не только в нашем городе, но и в крае вообще. По этой причине, чтобы хоть немного поднять свое значение,—более состоятельная часть эстонской буржуазии, а также и часть мелкой, примазывались к немецкой аристократии, так сказать—„онемечивались“. Под тяжестью этой немецкой и онемеченной олигархии стоном стонал—как пролета-

риат в маленьких городках края, так и крестьянство, — особенно батрацкая часть последнего в деревне. Что же касается пролетариата в крупных городах, каковым является Ревель, то здесь оттенки феодального строя были менее резки, чем в мелких городах,—здесь царил уже промышленный и финансовый капитал в полном смысле этого слова в виде фабрик, заводов, банков, высоко-ученой эксплуатации, классовой борьбой и пр. и пр.

Само собой понятно, что царское самодержавие всеми способами оказывало поддержку этой клике в их беспощадном угнетении народных масс, а последние не имели ни своей классовой организации, ни своего печатного органа, которые могли бы дать ей почву хотя бы для небольшого отпора организованному насилию эксплуататоров.

До 1905 г. чисто рабочие организации (РС-ДРП) существовали в виде маленьких замкнутых кружков в Ревеле, (студенчество в Юрьеве давало значительный $^0/_0$—разного толка социалистов, но сторонников рабочего движения среди них было мало).Но эти кружки не имели связи с широкой пролетарской массой и были очень отдалены от масс других городов и деревень; эти последние были предоставлены самим себе без всякого политического или профессионального руководства.

Впрочем, необходимо оговориться: была все-таки одна организация среди эстонцев, которая пыталась взять руководство движением в свои руки, придавая ему общенародный характер. Это было так называемое эстонско-националистическое течение или прогрессивная группа, как она сама себя называла. Лидером ее был Ян Теннисон. Рабочая и крестьянская беднота инстинктом чуяла, что это за прогрессисты, и не оказывала этой группе никакого доверия. Единственно, на кого опиралась прогрессивная группа—были: крестьянство из разряда кулачества, интеллигенция, да либеральные мещане.

2. ОТКЛИКИ И ВЛИЯНИЕ 9 ЯНВАРЯ В ПЕРНОВЕ.

Приблизительно таково было положение в крае, когда наступил 1905 год. Расстрел рабочих на улицах Питера сразу всколыхнул страну. Первым выступил Ревель. К ревельским рабочим примкнули рабочие Пернова. 20 января группа более сознательных рабочих с фабрики Вальдгофа, узнав о Питерском расстреле и о прокатившейся волне забастовок, в ответ на зверства царского правительства устроила во время вечерней смены „затор“ у ворот фабрики и, после нескольких горячих призывов, взволнованные рабочие постановили об‘явить в Пернове общую забастовку.

Постановление это у Вальдгофа немедленно было проведено в жизнь. Фабрика остановилась и часть рабочих пошла к другим заводам и фабрикам, чтобы остановить и их. Оставшаяся часть, лишившись более сознательных товарищей, по своему реагировала на события и в первую очередь пустила красного петуха близ стоящему публичному дому. Зарево далеко осветило небо и окрестности, а оголтелые обитатели дома и соседние обыватели с испуганно-растерянными физиономиями наверное подумали о светопредставлении. Нельзя сказать, чтобы забастовка была проведена сознательно и организованно; через дня три-четыре, она также неожиданно закончилась, как и началась, не принеся рабочим никаких конкретных выгод уже по одному тому, что со стороны рабочих не было пред‘явлено ни одного требования.

Необходимо отметить, что, несмотря на такую неорганизованность, это выступление рабочей массы оставило сильное впечатление в ней же самой, ибо оно было первым массовым коллективным выступлением, первым протестом против произвола черной реакции над их товарищами. Если масса не отдавала себе сознательного отчета в развертывавшихся политических событиях, то инстинкт рабочего толкал ее к выявлению солидарности—протеста со всей возмущенной рабочей Россией. Во вторых, в этом протесте рабочие познали свою мощь и увидели, что, если каждый из них в отдельности мало чего стоит, то уж во всей своей массе они представляют для своих врагов большую угрозу. Эту силу узнали и почувствовали и власть имущие, которые во время забастовки положительно растерялись и не знали, что делать.

Январские события можно назвать первой революционной ласточкой на общем фоне нашей перновской действительности. Когда я в июне 1905 года вернулся в Пернов

после трехлетняго отсутствия,—то не узнал рабочей массы. Она оказалась проснувшейся, выросшей на целую голову, среди нее возникли группировки, чувствовалось, что у массы появились новые интересы, ставившие ее в определенные отношения к различным социальным явлениям. В массе чувствовался уже интерес к политической жизни — везде шли споры и обсуждения о событиях в Питере, Польше; дошли до нас и слухи о восстании матросов на Черном море — о красном „Потемкине".

Центральным местом собраний и споров у нас было общество трезвости „Вальгус", где почти каждый вечер собирались десятки и сотни лиц разных мировоззрений, между которыми шли нескончаемые споры о свободах, о монархии, о республике, говорили и по крестьянскому вопросу; одни стояли за выкуп земли у помещиков, другие за отобрание безвозмездно. Вообще, общества трезвости в нашем крае играли очень большую роль в революционном движении—они были центральным сборищем более радикальной части населения, как бы легальными рамками для организации. После 1905 года во многих городах, в том числе и в Пернове, Ревеле и даже в Питере, эти эстонские общества были захвачены нашими товарищами в свои руки и использованы как ширма для прикрытия подпольной деятельности.

До приезда в Пернов, в Петербурге я имел за собой уже несколько боевых крещений, как, например, студенческая демонстрация у Казанского собора в ноябре 1904 г., день 9 января, 1 мая 1905 г. Кроме этого участвовал в кружковой работе и активно работал по распространению прокламации, т.-е. был более или менее знаком с партийными вопросами и работой партии.

Первым моим делом по приезде в Пернов было ближе ознакомиться с публикой и отыскать хоть нескольких товарищей, с которыми можно было бы сговориться о продолжении у нас начатой мною в Петербурге работы.

Попытки вовлечь в эту работу знакомую молодежь не увенчались успехом: одни боялись взяться за дело, другие опять примкнули к националистическому течению. В виду этого я решил участвовать возможно чаще на дебатах в обществе трезвости, находя, что это единственная лазейка,

через которую возможно пробить брешь и оказывать влияние на публику. Через месяц-полтора результаты были налицо. У нас сорганизовалась группа товарищей, единомышленников, которые примкнули к социал-демократическому течению, и работа началась.

Помню одно из первых собраний нашей группы—приблизительно в августе месяце на квартире т. Людига. Собралось около 10 товарищей, и мы обсуждали вопрос о том, к какому направлению или группировке примкнуть нашему ядру. Большинство товарищей, особенно из рабочей среды, настаивали на том, чтобы считать нашу группу социал-демократами, но фракционную линию, назревшую уже в организации РС.-ДРП, еще никто у нас, как следует, выявлять не умел. Несмотря на то, что я в Питере работал в рядах большевиков, опыт мой не простирался до того, чтобы суметь детально раз'яснить различия фракций. Между прочим, в нашей группе нашлось двое студентов, сыновей местных попов, считавших себя эс-эрами, вследствие чего они потом, когда группа взяла определенную с.-д. линию,—откололись от нее.

3. ХАРАКТЕРИСТИКА АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ ДВИЖЕНИЯ.

Раньше, чем говорить о дальнейших событиях в городе, я делаю некоторое отступление для того, чтобы охарактеризовать главных лиц, принимавших активное участие в руководстве движением.

Одним из самых активных и популярных у нас в то время был железнодорожный служащий, упомянутый уже мною т. Вольдемар Людиг. Товарищи рекомендовали его мне, как убежденного революционера, и он был из первых, с кем я познакомился. Роста он был маленького, с черными усиками и маленькой бородой. В первое время он действительно вел твердую линию, как подобает социал-демократу-большевику. „Никакого соглашения с буржуазией, рабочий класс может надеяться только на свою собственную силу"—было его лозунгом. Но в конце событий парень

все же подался. С одной стороны, боязнь быть арестованным, с другой, влияние буржуазных элементов, к которым принадлежала его семья, сделали то, что, когда события стали принимать явно революционный характер, у него почувствовалось колебание, и он отступил от своей основной идеи. Перед приходом карательных отрядов он сперва скрывался, а потом эмигрировал за границу. Там он числился эсдеком, а, в конце концов, очутился в лагере анархистов-синдикалистов.

Артур Винтер был вторым по степени активности. Полуремесленник, полуинтеллигент и артист, он был везде, где предвиделись совещания, собрания и пр. Сам он редко участвовал в прениях, но если ему поручали какую-либо практическую работу,—что-нибудь написать, составить, выполнить, то тут он был на своем месте и аккуратно исполнял. Вместе со своей такой же деятельной женой он был одним из полезнейших членов „Народного Комитета". Он также скрылся и эмигрировал в Швецию, примкнув там к шведской социал-демократии.

Следующий товарищ, которого можно еще выдвинуть и отметить, как одного из серьезных работников, был Александр Сепп. По профессии сельский учитель,—он уже до общего движения участвовал в подпольной работе. Манифест 17 октября только что освободил его из тюрьмы, куда он попал за распространение прокламаций. Высокого роста, худой, как скелет, хороший оратор и самоотверженный революционер, он весь отдался служению революции; все, что у него было самого дорогого, и даже жизнь, готов он был положить за дело. И, действительно, он пал жертвой Грегуса в рижской охранке, где его пытали и мучили до такой степени, что расхлябанный в мытарствах и голодовках организм не выдержал, и он умер. По политическим воззрениям он был социал-демократ большевик, но по своей пылкой натуре, готов был идти на все: на террор, на экспроприацию.

Был у нас еще один интересный тип. Кто он был—разгадать трудно. То ли провокатор царской охранки, то ли авантюрист высшей марки, или просто мошенник — этого и до сих пор не удалось определить. Откуда он появился и

куда скрылся—неизвестно. Звали его Табакин и вынырнул он в нашем городе в то время, когда все бурлило и клокотало. Рекомендовал он себя то земским врачем, то ветеринарным фельдшером. По-эстонски он говорил плохо и поэтому не ораторствовал, но все почему-то считали его одним из важнейших революционеров-главарей, который откуда-то командирован руководить революцией у нас. По этой же причине все подчинялись его руководству, хотя никаких бумаг он на то не пред'являл. Самые радикальные предложения были с его стороны, но от проведения их в жизнь он всегда умел уклониться. Помню, раз был разговор о проведении сбора денег на оружие, и Табакин первый откликнулся, пообещав от себя сотню рублей. Никаких ста рублей он не дал, мало того, собрал с других для этой же цели деньги, и с ними скрывался неизвестно где и как. Интересно еще то, что, находясь в 1908 г. в Перновской тюрьме, я случайно вычитал в газете, что вышеназванный Табакин арестован в Харькове, как авантюрист, слывший там за земского врача и вращавшийся будто бы даже в губернаторской свите. Несмотря на то, что знали и о его деятельности в Пернове,—привлекали его только за шантаж, и получил он за это два года не то тюрьмы, не то крепости.

Следующий член „Народного Комитета", о котором стоит еще поговорить,—был Александр Криш, работавший в то время на фабрике Вальдгофа. Интересный это был тип. Волна революции подняла его случайно на пьедестал народного трибуна, а выступал он только раз. Сперва он был, кажется, делегатом в „Народный Комитет" от фабрики Вильдгофа, потом попал в Исполнительное бюро. Полиция считала его опасным революционером, но в действительности он был только фразером. Его держали года три в предварительном заключении, и по выходе из тюрьмы он перешел сперва к баптистам, потом, пьянствуя до белой горячки, перекочевал к адвентистам, в октябрьские же дни 1905 года мы его находим в лагере защитников балтийских баронов и помещичьих земель. Таких типов было много среди участников движения 1905 года, но оставим их в стороне, ибо не отдельные лица создали движение, а экономические и политические условия края, те неимоверно тяжелые условия, в которых приходилось жить рабочему классу и беднейшей части крестьянства.

4. С ЧЕГО НАЧАЛОСЬ.

До Октября работа у нас находилась еще в подполье. Наша группа собиралась редко, больше всего участвовали в вечерних собеседованиях в обществе трезвости, где защищали взгляды, высказываемые газетами социал-демократического направления. Привезенную литературу я уже всю роздал и написал в Питер товарищам о регулярной высылке новых изданий.

В общем, чувствовалось, как будто бы смягчение режима, и в печати появлялись такие статьи, о которых раньше и мечтать мы не могли. Получились, известия о начавшемся движении в Петербурге, в Москве, и вдруг—забастовала железная дорога. К железнодорожной забастовке примкнула и Перново-Феллинская узкоколейная ветвь. За отсутствием теперь точных сведений стали питаться слухами. Кто говорил, что в Москве восстание, кто, что царь удрал на своей яхте, и Питер находится в руках восставших. Вообще слухи были разные, когда, в конце концов, 18 октября получились сведения, что издан какой-то важный манифест, по которому разрешаются все свободы. Мы, узнавши это, собрали нашу группу, и Людиг, которого железнодорожная администрация успела уволить за неблагонадежность, достал от товарищей железнодорожников текст манифеста, ознакомил нас с ним, и мы решили в очередной день в обществе трезвости сорганизовать собрание „для раз'яснения манифеста". Чтобы собралось больше публики, на окно общества вывесили написанное от руки об'явление, а т. Людиг обещал взять на себя выступление перед массой.

На следующий день являюсь я в общество к условленному времени, а Людига нет, как нет. Ждем мы часа полтора, народу собралось около тысячи, а Людиг все не является. Откуда-то появилось известие, что полиция собрание на улице не разрешила, хотя не было видно ни одного полицейского. Я с несколькими товарищами, чтоб все-таки кое-что сделать, кинулись в ближайший магазин и купили красной материи для знамен, с которыми решили продемонстрировать по городу, но, по возвращении в собрание, узнали,

что публика уже разошлась. После мы слышали, что кто-то выступил с предложением собраться на следующий день.

Отправившись к Людигу, мы узнали, что его выступлению помешала полиция, каким-то духом учуявшая нашу затею. Сперва его отговаривали от выступления, а когда он отклонил уговоры, его задержали до тех пор, пока народ не разошелся. На следующий день Людиг решил непременно выступить, а чтобы не повторился вчерашний казус с полицией, он решил не являться к себе домой.

На следующий день зал общества трезвости, вмещавший около 600 человек, еще за полтора часа до назначенного времени был набит битком. Все ждали с нетерпением свободного слова, ведь это было первое собрание, устраиваемое без получения разрешения от полиции и даже без уведомления ее, и каждый спрашивал себя: что-то будет? С другой стороны, полиция тоже не дремала: в зале находилось около 20 городовых во главе с помощником пристава. Сам пристав был внизу, в буфете, и вел разговор с т. Людигом, которого он опять отговаривал от выступления. В виду возбужденности окружающей рабочей массы, пристав не решался употребить силу, Людиг же остался при своем намерении, указывая на находившийся у него в кармане манифест, по которому разрешались свобода слова, собраний и проч.

Потом они оба пошли наверх в зал, и пристав стал убеждать собравшихся разойтись. Выступивший вслед за ним т. Людиг обратился к собравшимся: „Товарищи, кого вы будете слушать, меня или пристава? Я действую на основании изданного манифеста, который вырван от царского самодержавия борьбой рабочего класса, пристав же поступает по своему усмотрению, не признавая законов, писанных его же правительством".

„Долой пристава! В мешок, в мешок его, долой!" Шум, крик и десятки рабочих устремились на сцену, чтобы привести в исполнение свои угрозы. Другая часть рабочих окружила городовых и принялась их разоружать. Совершенно дезорганизованная, не умеющая оказать сопротивление народной стихии, опешившая кучка полицейских принуждена была беспорядочно удрать под шум и свист толпы.

Победа! Мы первый раз победили и полиция, этот оплот

самодержавия, власть которой была всеоб'емлюща и чье желание для простых смертных было законом,—постыдно бежала, оставив нас для свободного обсуждения стоявших в порядке дня вопросов. Для собравшихся этот инцидент был настоящим событием и многие политически-заскорузлые головы должны были пошевелить мозгами и учесть, что действительно что-то случилось, если всесильная полиция не только не сумела подавить собрания оружием, арестовать и засадить в тюрьмы зачинщиков, но сама была принуждена с позором удалиться, оставив поле сражения за победившими.

Стойкое и твердое поведение т. Людига, — который после ухода полиции в страстной и зажигательной речи, длившейся полчаса, обрисовал обще-политическое положение страны, рассказал, как стонет пролетарий и весь бедный народ под игом самодержавия и капитала, и призывал рабочую массу организоваться вокруг с.-д. партии, как единственной защитницы их интересов,—подняло его авторитет и ореолом героизма окружило его. Все было так ново и необычно. Этот митинг был одним из первых актов в ряде революционных событий в городе. Сознание массы проснулось, она почувствовала свою силу, она сдвинулась с мертвой точки и устремилась вперед.

5. ЛЮДИГ ПРИВЛЕКАЕТСЯ К СУДЕБНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.

Свое позорное бегство полиция нам не простила. К арестам прибегнуть было опасно, так что она сделала попытку восстановить перед массой свой авторитет более дипломатическим путем. Первым делом, против Людига было возбуждено судебное преследование, так сказать, попытались поступить с ним „демократично". За неимением лучшего, Людига обвиняли в незаконном, без разрешения на то, устройстве скопища и нарушении „общественной" тишины и спокойствия. Что же прикажете делать полиции? Если уж тут грубая сила оружия не при чем, то не даром у самодержавия имеется и утонченная организация угнетения и расправы с пролетариатом в виде ее органов, и один из них, который был выдвинут на арену развертывавшихся событий, — носит название мирового суда. Да, царские опричники здесь били наверняка.

В один из ближайших дней Людигу вручили повестку о явке на такой-то день к судье в качестве обвиняемого по такой-то статье. Судебное разбирательство было назначено на 3 ноября.

Конечно, наша организация не осталась безучастной, и наша агитация среди рабочих приняла широкие размеры, главным образом мы стремились добиться большего притока массы в зал суда.

Не ограничившись этим, мы подготовили также знамя с лозунгом: „Долой насилие, да здравствует свобода", чтобы, если удастся, провести демонстрацию. Почему именно этот лозунг был выбран—точно не помню, но знаю, что около выбора лозунга велись долгие обсуждения.

6. ПЕРВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ.

В день суда, около здания, где разбиралось дело Людига, собралась огромная толпа народа, состоявшая, главным образом, из рабочих фабрики Вальдгофа. Зал заседания был также набит до отказа и не вмещал всех пришедших. Первое требование со стороны собравшейся массы было о прекращении дела. Полиция не показывалась, а, может быть, спряталась в задних комнатах суда. Мировой судья отказался прекратить дело, говоря, что закон этого не позволяет, но, если обвиняемый на то согласен,—он может на полгода отложить разбор дела. Перед фактом как бы новой победы, рабочие подхватили т. Людига на руки и понесли из залы суда на улицу. Подготовленное знамя было выкинуто, и двухтысячная возбужденная толпа заполнила улицы Пернова, но уже не с патриотическими чувствами и национальным гимном, а с революционным вдохновением и призывающей к восстанию марсельезой.

Естественно, что растерянная и испуганная буржуазия, как крупная, так и мелкая, в мгновение ока позакрыла свои конторы, лавки и попряталась. Слишком неожиданно и ново для них было появление этой силы, чтобы сразу сообразить, что нужно делать. Потом она уже знала хорошо, как нужно

поступать в подобных случаях. Когда государственная власть, как сила, стала сдаваться перед волной революционных выступлений,—буржуазия ловко сумела примазаться к движению, мня себя „тоже“ революционерами; доходило даже до того, что на собраниях буржуазия давала обещания отпустить средства на вооружение народа, но, конечно, дальше слов это не пошло.

Демонстрация была неожиданностью даже и для ее руководителей, так что и те сперва не знали, куда идти, что предпринять, и только в дороге обсудили план действий, решив прежде всего направиться к уездному полицмейстеру, от которого потребовали в первую очередь убрать с постов всех полицейских, так как демонстранты брали на себя сохранение порядка в городе, а во-вторых, потребовали сделать предписание о закрытии казенок, винных магазинов и трактиров. Насколько противоречивы были требования, видно из того, что городскому Юпитеру было бы мудрено закрыть спиртные учреждения, убрав с постов своих подчиненных; но, как я уже сказал, за отсутствием определенного плана, демонстранты действовали стихийно, выражали свой протест так, как им казалось лучше.

Уездный начальник полиции, которому особой делегацией были пред‘явлены эти требования, (масса осталась ждать на улице), обещал все это исполнить в точности, и, действительно, часа через два все казенные и другие питейные заведения были закрыты, вскоре же исчезли куда-то и намозолившие глаза полицейские чины. Но все же закрытие монополек и всех питейных учреждений по справедливости надо отнести не к добросовестности полицейского чиновника, а к страху торговцев перед угрожающей ей стихийной волной.

Выполнив свою первую задачу, демонстранты двинулись на железнодорожную станцию, что бы выразить солидарность стачечному железнодорожному комитету, и указать ему на необходимость затормозить перевозку войск и прекратить доставку в город спиртных напитков. Такое же требование было пред‘явлено и управлению железной дороги; последнее обещало все исполнить и масса была удовлетворена.

Больше идти было некуда. Первоначальная цель была достигнута, и демонстранты начали расходиться, выделив

из своей среды группу товарищей, наименовав ее „Народным Комитетом“. Задачи Комитета сводились к контролю за проведением в жизнь полученных нами от начальства обещаний, в случае невыполнения таковых Комитет должен был принять надлежащие меры. Создание названной организации осуществилось как-то неожиданно, и наша группа лишь использовала этот момент для получения большинства в комитете, чего удалось достигнуть путем кооптации своих товарищей. Количество членов „Народного Комитета“ сначала было 19 человек, но путем кооптации мы увеличили эту цифру до 25 человек.

7. ДОЛОЙ ПОПОВ!

Революционная волна поднималась по всей стране неимоверно быстрым темпом. Везде, как в городах, так и в деревнях, масса все больше и больше будировала, везде устраивались митинги, собрания, раздавались революционные речи, организовались — одни сознательно, другие, как попало. Все всколыхнулось сразу, все пришло в движение. Если в первые моменты во главе движения стояла националистическая группа, опиравшаяся на главную свою силу—интеллигенцию, выдвигавшую хороших ораторов, способных отстаивать ее интересы, то теперь движение, раскатываясь вглубь и вширь и принимая отчетливый классовый характер,—захлестнуло пролетарские слои, оттолкнув их от националистов. В первых числах ноября во многих местах сорганизовались достаточно крепкие партийные единицы и группы, куда устремились в городах рабочие, а в деревнях—сознательная часть батрацкого и крестьянского населения.

Националисты, заметившие скоро, что почва колеблется под их ногами, так как масса от них отошла, сперва думали, что движение имеет временный характер и кончится пустяками; такого же мнения была крупная буржуазия и дворянская аристократия, которые надеялись, что пробужденный от долгого сна народ можно легко усмирить, как делалось это до сего времени. Но теперь и те и другие поняли, что они обманулись, и что старый метод уже не годится, что надо искать новых путей и нового метода для своего спа-

сения. Одним из таких путей были поповские проповеди; религиозный дурман буржуазия считала одним из своих патентованных средств. Попы, или, вернее, лютеранские пасторы, получая определенные инструкции от своих боголюбивых хозяев,—как самая надежная опора дворянской олигархии, странствовали по городам, проповедуя подчинение „богом“ поставленному начальству, ибо таковой порядок существовал веками и не изменить его каким-то обезумевшим людям и головорезам. Один из таких проповедников,—ревельский пастор Ган, 60-тилетний старик, появился и в Пернове. Перед приездом этого маститого старца велась предварительная агитация; имя его популяризировалось, и он рисовался с самых лучших сторон. Почтеннейший пастор Ган, не будучи глупым, смыслил кое-что в политических вопросах, искусно сумел связать свои проповеди с событиями дня и придать им злободневный характер. Местные пасторы, по сравнению с Ганом, были слишком отсталых взглядов. Плохо разбиравшиеся в политике, они не умели сделать свои проповеди привлекательными, и это обстоятельство стягивало на проповеди приезжего такую массу народа, в особенности женщин, что яблоку негде было упасть в церкви. Проповеди были назначены после 5 часов дня, как раз в то время, когда рабочие Вальдгофа и других фабрик и заводов, кончив свой трудовой день, приходили домой усталые и голодные. Не находя дома своих жен, матерей и сестер, увлекавшихся проповедями, рабочие начали выражать протесты: „Как это? Мы целый день работаем, трудимся, а, придя домой, не имеем ни обеда, ни отдыха“. Наростало озлобление против пастора Гана и его проповедей, отвлекавших хозяек. Голодный желудок и усталый после работы организм толкнули рабочих на открытый протест и под лозунгом: „Долой этого странствующего пастора, вон его из города!“ рабочие стали стягиваться к церкви. Резче других сказывалось недовольство рабочих фабрики Вальдгофа, как более мощной производственной единицы.

Наша группа воспользовалась этим случаем и повела агитацию о действительном выселении Гана из Пернова. Для этой цели мы решили устроить демонстрацию в церкви с участием недовольных рабочих, надеясь, что дело демон-

страцией не ограничится. Накануне на всякий случай мы приготовили внушительных размеров мешок, вымазанный внутри сажей. Вообще „сажание в мешок“ было очень популярно в то время в нашем крае. В мешках рабочие на заводах и фабриках вытаскивали ненавистных им мастеров и провокаторов, а в деревнях, в мызах и в имениях то же самое проделывали батраки со своими управляющими и надсмотрщиками.

5 ноября вечером, после окончания работ на фабриках и заводах, заняв центральный пункт на Рижском проспекте, наши товарищи начали останавливать идущих домой рабочих и собирать их в группу. Последние охотно останавливались и скоро количество собранных возросло до 600 человек. После выступления нескольких ораторов, раз‘яснивших цель демонстрации, вся эта масса в организованном порядке двинулась вперед за своими вожаками.

Без всяких препятствий прошли мы предместье города.

В точно таком же, организованном, порядке по шести человек в ряд, наши демонстранты дружно вошли в эстонско-лютеранскую церковь, где предполагалось чтение проповеди.

Было как раз время. Мы застали пастора Гана на кафедре за чтением своей очередной проповеди. Вошедшая в церковь рабочая масса совершенно не походила на ту благовидную и хорошо одетую публику, которая постоянно окружала пастора: все были в рабочих блузах, с черными, суровыми лицами, с горящими особым огнем глазами.

Как находившаяся в церкви публика, так и сам пастор сперва не поняли, в чем дело; последний спокойно продолжал свою проповедь о страшных мучениях ада, о дне последнего суда, о всемерном милосердии господнем, благах будущей жизни и пр. и пр. Только дамы и барыни, стоявшие и сидевшие у входа близ дорожки, ведущей к алтарю, по которой, главным образом, и шла рабочая масса, испуганно шарахнулись в сторону, чтобы не прикоснуться к людям, которых они презирали.

Первые ряды рабочих уже дошли до середины церкви, когда Ган понял, что все это делается неспроста, что положение его становится не шуточным, так как ему приходится иметь дело не с маленькой кучкой хулиганов, а с массой рабочих. Колонна же шла и шла, и конца ее не было видно. Стремясь предупредить панику и надеясь вызвать рели-

гиозный экстаз у своих слушателей, Ган, прервав проповедь, начал петь известный лютеранский хорал о том, что бог является единственным защитником народа и т. д. Хорал был подхвачен всеми молящимися.

Создавшаяся обстановка в первое мгновение смутила пришедших; они растерялись, не зная, что делать, и этим моментом воспользовались церковный староста и другие церковнослужители и загородили путь к алтарю и кафедре. Но в следующий момент получилось нечто невообразимое. Звуки органа, пение многотысячной массы прихожан, крики: „долой пастора!“, „долой Гана!“, шум, гул—все это слилось в одно целое и подымалось к высоким сводам лютеранской церкви. Далее произошла картина совершенно невиданная. После нескольких неудачных попыток прорвать цепь, загородившую путь к алтарю и кафедре, рабочие начали бомбардировать несдающегося проповедника бутылками, имевшимися у них при себе, и другими предметами. После четырех-пяти пролетевших бутылок ретивый защитник реакции наконец сдался, с быстротой молнии была оставлена им кафедра, и, с легкостью зайца перепрыгивая через скамьи, кресла и головы людей, он скрылся в боковые двери церкви.

Рабочие, после того, как главная птица улетела, собрались уже расходиться, когда вдруг увидели, что в церковь пытается проникнуть и протискивается сквозь толщу народа пристав во главе с десятью городовыми. Дорогу им загородила стоящая у двери на улицу рабочая масса. Кому-то удалось сообщить о событиях в церкви полиции и последняя сразу же поспешила на помощь служителю неба. Рабочие, добившись своего, решили разойтись, и через четверть часа поле битвы было очищено.

Испуганный служитель церкви наспех оставил город, проклиная, наверное, все и вся за то, что его послали в это несчастное турнэ.

8. И ЖЕНЩИНЫ ОРГАНИЗУЮТСЯ.

Описанная выше церковная история много помогла поднятию настроения нашего до сих пор тихого и мирного города. Ведь был нарушен вековой порядок, разорвался

священный покров и широкой лавиной вылилось на волю стремление хоть чем-нибудь да выявить свое содействие и свое сочувствие революции. Как волшебной рукой был снят страх перед владыками города и всякий думал: если у них не было силы препятствовать такому богохульству, то стоит ли вообще с ними считаться. Началась эпоха всяких собраний: то профессиональные союзы, то домашняя прислуга, то просто митинг, одним словом, каждый хотел говорить, каждый стремился чем нибудь быть, каждый желал играть какую то роль, никто не хотел затеряться без всякого следа в этой революционной стихии.

Удачное это было время для разного рода „дельцов“. На гребне революционной борьбы появились подпольные адвокаты, ходатаи по делам и другие шарлатаны и авантюристы, любившие половить в мутной водице рыбку. Так неким Гендриксоном было созвано в первых числах ноября собрание женщин. Если все собираются, почему же женщинам не собраться? Разве им не о чем поговорить? Основной мыслью Гендриксона, этого архижулика, было выдвинуть самого себя, особенно обиженного тем, что он не попал в члены „Народного Комитета“ и остался за бортом; теперь он искал путей, могущих дать ему возможность выдвинуться.

Узнав о собрании женщин, бюро „Народного Комитета“ постановило использовать это собрание в целях агитации и попытаться взять руководство им в свои руки. Для этого командировали туда членов комитета т.т. Людига и Винтера. Женщины везде во всех революциях участвовали, как активные силы, так было и здесь. На собрание собралось такое громадное количество женщин, что обширное помещение общества трезвости всех их вместить не могло. Переполнены были все лестницы, коридоры, передняя, о зале и говорить не приходится.

Собрание открыл Гендриксон, как инициатор и организатор такового, но когда вопрос дошел до выбора председателя, то сотни голосов кричали: „Людиг, пусть Людиг будет председателем“. Только несколько человек поддерживало Гендриксона, который был твердо уверен, что ему достанется руководство собранием. Вопрос о председателе был поставлен на голосование, и лес рук, поднятых кверху, до-

казал, что все симпатии массы находятся на стороне „Народного Комитета“. Революционные выступления последнего, оказывается, завоевали отсталую массу, шедшую до сего времени за попами и им подобными брехунами. Товарищ Людиг взял председательствование в свои руки, после чего принялись за разбор порядка дня. Оказалось, что никакого порядка дня составлено не было, пришлось его вырабатывать сообща самому собранию. Долго спорили, о чем говорить, что обсуждать и в конце концов остановились на следующих вопросах: 1) значение женщины в революции — докладчицей выступает жена т. Винтера, 2) о запрещении спекуляции продуктами питания в пределах города, 3) об уменьшении платы за убой свиней, выкармливаемых для собственного потребления, и 4) о закрытии трактиров и казенок.

Сознательно и деловито приступило собрание к обсуждению этих пунктов и по всем им вынесло соответствующие постановления. По докладу о значении женщины в революции было постановлено выбрать в „Народный Комитет“ от женщин двух представителей; вошли сестра т. Людига и еще одна женщина, фамилии которой не помню. Кроме того, было постановлено, что все участники данного собрания соберутся на следующий день в определенное время у городской управы с требованием выполнения воли собрания по 2-му, 3-му и 4-му пунктам. Было уже около полуночи, когда с пением марсельезы закрылось собрание и все разошлись.

9. ОБ‘ЯВЛЕНИЕ ВЛАСТИ „НАРОДНОГО КОМИТЕТА“ И РАЗОРУЖЕНИЕ ПОЛИЦИИ.

На следующий день, в назначенный час, перед домом общества трезвости собралось около 800 женщин, чтобы демонстрировать волю вчерашнего собрания. Поднимался вопрос о знамени и естественно, что, за отсутствием своего, женщинами единодушно было решено взять с собою наше красное знамя, а предложение нескольких голосов итти без знамени было всеми отвергнуто. Полиция, наученная горьким опытом по разгону собраний в обществе трезвости и церковной демонстрации, решила стушеваться. Городовые изредка еще встречались, что же касается высших чинов,

то те или совсем не показывались или ходили в штатской одежде. Все демонстрации и митинги последнего времени проходили без всякого вмешательства со стороны блюстителей порядка.

Но с женской демонстрацией полиция думала поступить иначе. Узнав через своих агентов, что женщины собрались на демонстрацию и будут одни, без мужчин, полицейские чины решили дать последний и решительный бой, справедливо полагая, что с женщинами они сумеют расправиться.

И вот, едва головная часть демонстрации достигла Николаевской улицы, чтобы по ней итти к управе, как с противоположной стороны, точно из-под земли, вырос отряд вооруженных с ног до головы фараонов. Их было человек 20 во главе с самим приставом и его помощником. Не давая демонстрантам времени оценить положение, эта вооруженная кучка врезалась в толпу беззащитных с шашками наголо рубя налево и направо. Началась паника. Дело кончилось бы плохо, но демонстранток спас следующий случай. В обществе трезвости в этот день было созвано собрание рабочих фабрики Вальдгофа, но в виду того, что на собрание явилось мало народа и оно состояться не могло, все собравшиеся отправились по направлению к управе для присоединения к протестующим женщинам. Блюстители порядка думали, что они имеют дело только с женщинами. Полиция совершенно не видела рабочих, находившихся в конце демонстрации. Когда, после первых ударов, обрушившихся на женщин, началась паника и раздались крики: „полиция нападает на безоружных женщин“, то вся рабочая масса, как один человек, бросилась вперед. Произошло первое действительное столкновение между вооруженной частью защитников старого строя и безоружной толпой, и через несколько минут значительное большинство полицейских было моментально разоружено. В это время послышались выстрелы и несколько голосов кричало: „пристав стреляет из револьвера, держите его, бейте его“. Это еще больше раздражило массу, к ней примкнули близ работавшие портовые и другие рабочие и с этого момента началась форменная облава на убегавших чинов полиции.

Часть полиции была разоружена при первой свалке, части удалось улизнуть, убегающего помощника пристава

поймали; тот сорвал с себя погоны, отдал их и шашку т. Кришу и тут же дал клятву, что больше в полиции служить не будет. Конечно, им руководило не раскаяние, а страх за свою жизнь. Мягкосердечный Криш взял „раскаявшегося" полицейского под свою защиту и вывел его из поля битвы (в благодарность за это тот потом, при следствии и на суде, дал такое показание против Криша, что последний чуть-чуть не попал под расстрел). Главный виновник—пристав остался еще не разысканным. „Где пристав? где Ган?" — слышались крики в толпе и почти вся масса бросилась на розыски его. Кто-то крикнул, что он скрывается в городской управе. Через несколько минут вся управа кишела, как муравейник: рыскали на чердаках, в погребах, запертые двери ломали ударами ног или при помощи столов и табуреток, из окон вылетали дела, бумаги, папки; одним словом, все, что попадало под руки, рвалось и уничтожалось. В конце концов добрались до кабинета городского головы.

Городской голова, закоренелый аристократ из типа немецких баронов, дрожал перед бушующей толпой, с угрозой требовавшей от него немедленной выдачи пристава. Впереди толпы стояло несколько женщин и держало в руках большой мешок, гостеприимно приготовленный для почтенного пристава.

— Если ты не покажешь, где пристав, — кричал кто-то сильно струхнувшему старику,—то самого тебя засадим в мешок. Пристав наверное скрывается здесь, у тебя, ты спрятал его и не хочешь выдать.

— Он наверно здесь, в денежном чулане, открой!

Вся масса находившихся в кабинете бросилась открывать дверь. Бледный и перепуганный до смерти городской голова клялся всеми святыми, что пристава там нет, что эта дверь не открывается, ключи потеряны и т. д. Новая угроза посадить его в мешок в конце концов подействовала: сразу же были найдены ключи, и дверь моментально открылась. Первое, что увидела толпа, было темно-серое лицо и до смерти испуганные глаза пристава, который действительно нашел временный приют в денежном чулане городской управы.

— Товарищи, птицу поймали, пристав здесь — кричала толпа и моментально схватила вылезавшего пристава. Немедленно с него были сорваны погоны, отобраны револьвер и шашка, а потом удар в спину — и наш пристав очутился в мешке. Толпа, окружавшая городскую управу, в это время еще более увеличилась, а когда до нее дошла весть, что отыскали пристава и он лежит уже в мешке, вся масса подняла радостный крик. — На площадь! будем судить его, там устроим над ним суд!—кричали все, и крики еще больше усилились, когда на лестнице появились товарищи, таща за собою увесистый мешок с приставом.

Дойдя со своей ношей до ожидавшей их толпы, тащившие мешок товарищи сперва не знали, что делать дальше; кто-то предложил тащить мешок до площади, другие советовали извлечь пристава из мешка, вести его под конвоем, третьи — чтобы он нес знамя, которое он так ненавидит. В конце концов решили пристава из мешка освободить и проводить всей массой на площадь около парка для устройства над ним суда.

Вот и площадь. Выбрали место повиднее, куда поставили по всем правилам судебного порядка окруженного внушительным конвоем царского держиморду. Судьей был выбран некто Васильков, студент, сын местного попа, примкнувший, как уже раньше сказано, к эс-эровской организации. Четверо здоровяков подняли на плечи судью и начался суд.

— Ту-ту-ту,—послышались вдруг совершенно близко предупреждающие звуки сигналистов. Все были так заняты, что не заметили, как прибежали через парк человек двадцать солдат во главе с офицером, а также пять-шесть городовых, которым удалось скрыться во время свалки с толпой. Солдаты выстроились рядом с парком в шеренгу и держали винтовки на готове.

Толпа, заметившая солдат, в первое время забыла пристава; все пустились в бегство, даже знамя было отнято городовым у одной из женщин.

Раздался крик: „Знамя отобрали, товарищи! Фараоны наше знамя отобрали!" и крик этот вразумил массу. Бегство приостановилось и толпа стала суживать круг, оцепляя солдат, уговаривая их не стрелять в людей, указывая, что у них тоже дома есть жены и дети, что у них такой же произвол со стороны полиции и т. д. Солдаты колебались, явно видно было сомнение на их лицах. Во время суматохи

приставу удалось вырваться от охранявших его людей; тотчас же его окружили несколько городовых, с которыми он присоединился к солдатам. Отобранное у нас знамя лежало перед солдатами на земле и все взоры толпы были обращены на него, как будто в нем заключался символ спасения.

Толпа вокруг этого маленького вооруженного отряда все увеличивалась и увеличивалась и свободное пространство все суживалось. Еще минута и, казалось, все сольется в одно общее целое, и солдаты перестанут быть врагами. Офицер, командовавший солдатами, понял эту опасность и в категорической форме несколько раз приказал толпе разойтись, угрожая открыть стрельбу. Публика, видевшая миролюбие солдат, мирно пререкавшихся с окружающей толпой и не делавших никаких попыток привести в исполнение приказание офицера, еще больше приблизилась к солдатам, говоря им: - „Мы—здешние рабочие и отсюда не уйдем до тех пор, пока наше знамя не будет возвращено".

После нескольких попыток разогнать толпу путем угроз и оценивая настроение солдат, офицер поднял лежавшее на земле знамя и возвратил его близ стоящей женщине со словами: „Вот ваше знамя, теперь убирайтесь отсюда".

Возвращение знамени, которое опять гордо реяло над головами рабочих, сделало массу еще смелей, и офицер на свое предложение получил ответ: „Мы были раньше вас здесь и уйдем только тогда, когда вы уйдете". Один из товарищей, не стесняясь присутствием солдат и городовых, начал говорить речь о положении рабочего класса и призывал солдат поддержать рабочих.

„Смирно! Кругом, шагом марш!"—как бы ответом послышалась команда офицера, и послушные солдаты стали двигаться вместе с приставом по направлению к своим казармам. Толпа провожала их криками „ура" и пением марсельезы, после чего и сама разошлась.

10. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ШАГИ „НАРОДНОГО КОМИТЕТА".

Последние события: демонстрация женщин, разоружение полиции, а также подрыв дисциплины у солдат заставляли членов „Народного Комитета" задуматься. Они понимали,

что надо что-то предпринять, дабы не остаться в хвосте движения. Для того, чтобы руководство движением не ушло из наших рук (ибо и сторонники прогрессивной группы националистов не спали, а всеми силами старались стать во главе движения), в тот же день созвали собрание более надежных товарищей „Нродного Комитета", которое постановило: 1) помимо общего пленума комитета сформировать исполнительное бюро, составив его из 5—7 человек путем ввода туда самых твердых товарищей, а именно: т.т. Людига, Винтера, Клааса, Сейлера и Криша (потом были кооптированы еще Табакин и Сепп); 2) открыть легальную запись в социал-демократическую рабочую партию, при чем вести агитацию за это на каждом собрании и митинге; 3) выставлять по ночам в городе свои патрули для охраны порядка и уничтожения хулиганства и воровства и 4) на следующем общем собрании реконструировать „Народный Комитет", проведя среди членов его некоторую чистку; название комитета оставить, но дать ему более революционный и руководящий характер. Вечером этого же дня состоялся пленум комитета, где наши предложения были приняты почти без возражений.

В это время борьба на политической арене разгоралась во всю. Ярко-реакционные элементы, защищавшие старый классовый порядок, сошли почти на нет, ибо им не на кого было опираться. Оппозиционные группы резко определились. Их было две: с одной стороны—прогрессивно-националистическая, с другой—политическая группа, имеющая социалистический оттенок, но без определенной программы. Первая имела за собой крестьянство в деревне, мещанство и интеллигенцию в городе; вторая опиралась на пролетариат города и деревни. Последняя группа впоследствии опять таки разделилась на две: социал-демократов меньшевиков с руководящим центром среди эстонцев в Ревеле и на социал-демократов федералистов, издававших свою газету „Удизед" в гор. Юрьеве.

Были еще отдельные сторонники большевиков; их было мало и они большею частью блокировались в тактических вопросах с федералистической группой и в отдельные моменты движения об'единялись в общий социалистический фронт.

Националисты считали себя везде и во всех выступлениях представителями народа, отрицали классовое расслое-

ние среди эстонцев и для укрепления своей позиции в конце ноября в городе Юрьеве, с разрешения Витте, созвали всеэстонский с‘езд. Работа этого с‘езда выражалась в обработке материалов на предмет представления их в будущую Государственную думу. Для того, чтобы большинство избирателей было за националистов, последние, будучи господами положения, создали такой избирательный закон, какого, наверно, нигде в мире не существовало: от волостей избираются двое от хозяев крестьян и двое от сельско-хозяйственных рабочих, в городах—двое от домохозяев и двое от рабочих; помимо этого каждое общество, как, например, трезвости, певческое, потребительское, квартиронанимателей и другие имели право послать на с‘езд по представителю.

В этих обществах, по их мнению, и состояла главная сила националистов, а такими обществами была засеяна чуть ли не вся Прибалтика.

В Пернове также назначено было предвыборное собрание всех этих групп; необходимо было подготовиться к нему. Наша партийная группа решила выставить кандидатуры мою и Людига от рабочих, и я должен был выступить на этих собраниях с программной речью нашей партии. В группе домохозяев делать нам было, конечно, нечего, но в обществах трезвости, квартиронанимателей и в обществе ремесленников мы решили дать бой националистам.

Из Юрьева на день выборов к нам обещал приехать представитель социал.-демократов-федералистов товарищ Готлиб Аст, брат известного теперешнего предателя эстонского рабочего класса меньшевика Карла Аста. Кандидатуры мы постановили выставить от имени „Народного Комитета“, который пользовался значительной популярностью среди рабочей массы. Этот митинг решили также использовать, как агитационное средство для вовлечения рабочей массы в партию и для вступления в нее открыть запись.

Собрание рабочих было назначено в зале общества трезвости. Чтобы в выборах участвовало возможно больше народа, решили устроить вместо одного собрания два, т.-е. днем и вечером, так как одна смена рабочих фабрики Вальдгофа работала днем, а другая ночью. Несмотря на то, что националисты выдвинули свои лучшие силы, ругали нас

бунтовщиками, разбойниками, несмотря на все принятые ими меры, наш список прошел на обоих собраниях в полном единодушии и при огромном под‘еме со стороны масс. С таким же под‘емом была принята и моя полуторачасовая речь о программе РС-ДРП. В партию записалось сразу около трехсот человек рабочих. В обществах квартиронанимателей и ремесленников мы одержали такую же победу и даже на собрании домохозяев провели своего кандидата, хотя совершенно не рассчитывали на это. Между прочим наш список сыграл потом для нас очень неблагодарную роль. Он был передан Людигу, у которого хранился весь архив в то время. Перед от‘ездом Людиг принес архив в помещение общества трезвости, откуда его выцарапала полиция и во время военного суда над нами он фигурировал как вещественное доказательство.

Из Пернова поехали на с‘езд два делегата от националистов: один из них—от домохозяев, а другой—от певчевского общества Эндла; мы же провели 6 человек, двое из них партийных и четверо сочувствующих. Почти такое же соотношение сил было и на всеэстонском с‘езде, который раскололся на две части, каждая считала себя полномочной, с той лишь разницей, что на стороне националистов участвовало на с‘езде человек 200, а соединенная группа всех социалистических и революционных течений имела около 650 человек делегатов. Националисты, надеявшиеся играть первую роль на с‘езде потерпели полное поражение по всему своему фронту.

ПРИЗВАННЫЕ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ РЕКРУТЫ РАЗ‘ЕЗЖАЮТСЯ ПО ДОМАМ.

Одной из лучших и организованных кампаний, проведенных нами в Пернове, была рекрутская кампания, т.-е. работа среди новобранцев. Несмотря на то, что на созванном нами собрании новобранцев участвовали почти все новобранцы уезда, в количестве около 420 человек, среди них не нашлось ни одного провокатора, ни одного предателя, который подвел бы нас; руководители и организаторы этой кампании остались совершенно неизвестными жандармерии и полиции, их не удалось установить ни следствием, ни

судом. В качестве свидетелей были вызваны в суд военнослужащие, бывшие участники этого собрания, дослужившиеся уже до унтер-офицерского чина; ни один из них не нарушил слова, данного на том собраниии, хранить в строжайшей тайне подробности его; даже присяга перед попом не поколебала их стойкости.

Но перейдем к делу. Вопрос о том, какую тактику должны держать призывники в этом году, долго стоял открытым; даже в Ревеле, Петербурге и других не было никаких определенных инструкций о линии поведения по этому вопросу. Отдельные молодые товарищи часто обращались ко мне лично и к „Народному Комитету“ в целом с вопросом, как им держаться при мобилизации: итти ли служить или нет и если итти—то с какими директивами. Только состоявшийся выше упомянутый всеэстонский с‘езд дал более или менее ясное представление о том, что в случае невыполнения правительством выставленных с‘ездом требований (Учредительное собрание, демократическая республика и т. д.), на местах должны отказаться платить налоги, давать рекрутов и подготовиться к вооруженному восстанию.

Этот вопрос стал задачей дня и „Народного Комитета“, который в свою очередь поручил мне и т. Винтеру выработать проект требований для призывников и оповестить на их собрании. Такое собрание состоялось в конце ноября в помещении общества трезвости, в котором участвовали все призывники Перновского уезда, кроме пяти человек, почему-то не явившихся.

Открывая от имени „Народного Комитета“ собрание, я в нескольких словах упомянул о серьезности момента и важности стоявшего в порядке дня вопроса, призывая всех к сплоченности и об‘единению для защиты революции. Почти единогласно было постановлено присоединиться к политической резолюции всеэстонского с‘езда, предложенной группой „Аулы“ (обще-революционной части с‘езда, заседавшей потом в актовом зале Юрьевского университета). Пункт за пунктом были потом приняты выработанные и оглашенные мною требования (Винтер почему то не явился на собрание): „Обращение офицеров с солдатами на „вы“, право носить штатскую одежду в свободное от службы время, двухгодичная служба, уравнение жалования по средней заработной платой, служба у себя в губернии и отмена переброски эстонских частей в Польшу, польских в Сибирь, сибиряков в Эстонию и т. д., а главное—приведение в жизнь политических требований, выставленных Советом Рабочих Депутатов в Питере и на всеэстонском с‘езде в Юрьеве. В случае же, если эти требования не будут выполнены,—ни один из призывников на службу добровольно не идет.

Выбранная из пяти товарищей делегация должна была вручить эти требования, составленные из 22 пунктов, местному воинскому начальнику, а для того, чтобы делегацию не задержали, решили проводить их всей массой с красным знаменем в руках. Комичная история вышла у воинского начальника. Окна его кабинета выходили не на улицу, а во двор, и он не знал, что делегацию провожает вся масса рекрутов. Во время принятия от делегации требования он начал кричать, угрожал посадить в тюрьму, расстрелять, как изменников родины, и т. д. „Это вы зачинщики всего“,—кричал воинский начальник—„бунтовать хотите у меня, я вам покажу!“ Товарищи ему ответили, что они являются уполномоченными от всех призывников и что ответ от воинского начальника нужен не только лично им, а всей массе, которая ждет ответа на улице. Старик шагнул в другую комнату, окна которой выходили на улицу. Глазам его представилась не очень приятная для него картина: 400 призывников стояли строем, над головами их развевалось красное знамя,— так охлаждающе подействовавшее на старикашку, что он тотчас же смягчился и обещал делегатам сейчас же просмотреть требования и дать ответ. Минут через двадцать воинский начальник, бледный как смерть (повидимому, он с кемлибо говорил по телефону, с надеждой получить помощь, но получил отказ), возвратился из своего кабинета и, обращаясь к нашим представителям, глухо сказал: „Знайте, ребята, я ваши требования исполнить не могу — это не в моих силах. Они имеют политический характер и я должен отправить их по начальству в министерство по военным делам, а вы идите домой и ждите результата“.

Как сказано выше, эта кампания вышла самая организованная, от нее не пострадал ни один человек, даже делегацию не нашли, ибо, когда пред‘явили старику целый ряд рекрутов, то он ни одного не мог признать. Все делегаты

и рекруты действительно раз'ехались по домам и уклонились от призыва. Потом на них организованы были облавы, которыми выловили их с мест по одному и отправили в воинскую часть. Некоторые из этих славных ребят в настоящее время вступили в коммунистическую партию и теперь еще вспоминают свое первое революционное выступление.

12. ДОЛОЙ ЦАРСКУЮ ВОДКУ!

В предыдущих главах мною было уже сказано, что одним из первых требований выступившего народа было запрещение продажи и привоза в город Пернов водки или других алкогольных напитков, и самый строгий контроль со стороны населения проводился как раз в этой области.

Все питейные заведения, как-то: пивные, винные погреба, в том числе и царская монополька, были закрыты, и если становилось известным, что где-либо тайным образом продается пиво или водка, то этому заведению не было ни малейшей пощады. Его просто громили до основания. Такие разгромы были уже в двух местах, и пьянство в городе стало заметно уменьшаться.

В тот день, когда было собрание призывников, нам стало известно, что по железной дороге привезено в город по два вагона водки и пива. Моментально сорганизовалась толпа для поисков и уничтожения этих злосчастных вагонов, и раньше, чем об этом факте стало известно „Народному Комитету“ (членов его в этот момент не могли отыскать)—вагоны были найдены, замки и печати сломаны, бочки и ящики вытащены и разломаны, посуда побита, по загрязненному мерзлому тротуару ручьем лились всякого рода напитки. Уничтожая водку, толпа затеяла целую игру, выставляя в ряд бутылки и разбивая их камнями. С пивом дело было немножко потруднее: оно было в крепких бочках; без инструментов расправиться с ними было трудно и помог делу оказавшийся у кого-то топор, под ударами которого от бочек одни щепки полетели.

В самый разгар этой работы появилось несколько членов „Народного Комитета“; они пытались было приостановить этот разгром, но увидев, что это совершенно бесполезно, что

разошедшуюся публику остановить все равно невозможно, попробовали ввести этот погром в более организованное русло. Приняли меры, чтобы никто не расхищал водки, чтобы не происходило пьянства и чтобы никто не вмешивался в эту разрушительную работу. Кругом была расставлена охрана, следившая за проведением этого порядка. Разгромлено было, если верить обвинительному акту, приблизительно на три тысячи шестьсот рублей. Все эти убытки были пред'явлены, для возмещения их, участникам процесса. У некоторых товарищей даже было описано и распродано с аукциона их собственное имущество. Интересно в этом деле еще следующее обстоятельство,—с балкона соседнего дома полицейские агенты сделали несколько фотографических снимков отдельных моментов разгрома, запечатлев таким образом некоторых участников. Эти снимки, конечно, сослужили полиции недурную службу.

13. НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА РАЗОРУЖИТЬ ПЕРНОВСКИЙ ГАРНИЗОН и ЗАВЛАДЕТЬ ОРУЖЕЙНЫМ СКЛАДОМ.

Революционная волна поднималась все выше и выше. Из Ревеля, Юрьева и других мест поступали сведения о захвате крестьянами имений, о пожарах и столкновениях. Говорили об осадах крестьянскими отрядами баронских поместий, а также об убитых и раненых с обеих сторон. Рассказывали о восстании в Питере и Москве и все эти разговоры наэлектризовали воздух так, что достаточно было маленькой искры, чтобы весь город был охвачен пламенем революционного пожара. Одна такая искра чуть не упала на подготовленную почву, но дело не дошло до столкновения. Дело было так: после разоружения полиции и отступления пристава и солдат, оставивших поле битвы за нами,—патрули „Народного Комитета“ в течение недели охраняли по ночам город. Никто не только не препятствовал этому, но „Народному Комитету“ были даже признательны за установление спокойствия и тишины. Как вдруг, раз ночью, патрули комитета встречаются с патрулем солдат, предводительствуемым помощником уездного начальника. Начальники обоих отрядов, встретившись в темноте, спрашивают друг

друга: „Кто идет, разойдись по домам“. Уездный начальник чувствовал себя уверенно, так-как его солдаты были вооружены винтовками; начальник революционной охраны полагался исключительно на революционное право. „Я и мой отряд посланы на охрану города „Народным Комитетом“, которому я подчиняюсь и который является единственной властью в городе“, — таков был ответ начальника отряда „Народного Комитета“ уездному начальнику. Оба отряда разошлись без всякого инцидента.

На следующий день этот случай обсуждался исполнительным бюро „Народного Комитета“, постановившим пред'явить уездному начальнику категорическое требование убрать своих солдат, в противном случае они будут насильственно разоружены. Вместе с тем был поднят и самый основной вопрос— о получении оружия. Патрули „Народного Комитета“ до сих пор ходили без оружия, если не считать того, что на 20 человек приходился один револьвер.

Нам было известно, что на складе при казармах конвойной команды имеется около двух тысяч винтовок, а также масса патронов. Все понимали, как важно было бы овладеть всем этим, вооружить рабочих. Постановили поручить товарищу Кришу выяснить, насколько осуществима экспроприация оружия. Оказалось, что обстоятельства благоприятствовали нам: в городе было в то время только 35 солдат, из них 20 человек - Красноярского полка, отказавшихся разогнать народ. По полученным нами сведениям они не стали бы вмешиваться в дело. Остальные 15 чел. были в конвойной команде, при чем в это же количество входили писаря и прочие. Все они были достаточно заражены революционной пропагандой и вряд ли оказали бы серьезное сопротивление. Решено было провести наш план в жизнь и мы стали обдумывать способы. Сперва намечалось два способа. Первый состоял в том, чтобы после одного из митингов всем без исключения итти к казармам и, пользуясь преимуществом большинства, забрать оружие. По второму—предлагалось организовать группу надежных товарищей, вооружив их чем возможно, и в одну из ночей сделать налет на казармы, забрать оружие, спрятать его в надежное место, а потом уже вооружать рабочих. Противники первого способа говорили, что с ним может получиться бесполезное

пролитие крови, что вряд ли таким образом можно добыть оружие, а если его и удастся добыть, то не известно еще, кому оно достанется так как среди всей массы могут быть и ненадежные элементы. Второй способ победил; назначили ночь, когда человек 50—80 должны были собраться и провести этот план в жизнь.

Неизвестно, как узнала об этом полиция, просто ли разболтали болтливые языки, или среди нас сидел провокатор, только накануне дня, в который мы собрались привести в исполнение наш план, нам сообщили, что затворы с винтовок сняты, а значительная часть патронов перевезена в казармы Красноярского полка.

Стало ясно, что своими силами мы ничего не добьемся. Рассчитывать на активное выступление в городе не приходилось. Стали раздаваться голоса, что если мы даже и захватим город, в полном смысле этого слова, то толку из этого не будет, нас все равно подавят. Необходимо было организовать всеобщее восстание, в котором принимало бы участие все население. Нужно было сговориться с Мызакюлы, с Феллином, с латышами Руеве и городом Валком, узнать, что делает Ревель. „Народный Комитет“ или, вернее, исполнительное бюро его начало вести работу в этом направлении. В это время как раз началась всеобщая декабрьская забастовка, о которой мы узнали от железнодорожников, железная дорога, не помню точно—седьмого ночью или восьмого — стала. На следующий день получили из Ревеля газеты, а еще через день—извещение из Питера с призывом к вооруженному восстанию.

Итак час настал.

По нашей инициативе было созвано в Мызакюле (узловая станция в 60 верстах от города Пернова) совещание, куда должны были приехать представители из Феллина, Валка, Руена и некоторых волостей. Из Пернова был командирован я. Совещание состоялось и на нем выяснилось, что в Валке самая организованная часть—железнодорожники и в случае общего выступления они могут дать человек до 100, Руен гарантировал 400 человек, которые у них уже и сейчас сорганизованы, кроме того у них имелась одна старая пушка и санитарный отряд во главе с врачем; представители Феллина сообщали, что при общем восстании они

тоже присоединятся. Делегаты из волостей передали совещанию, что восстание у них уже началось. Батраки и беднейшая часть крестьянства уже сорганизовались в отряды и нападают на баронские поместья. Главный отряд вышел из Ревеля 8-го числа и вся Эстляндия в огне; в продолжение трех-четырех ночей, с 8-го числа по 12-е, сгорели и были разрушены крестьянскими отрядами свыше 105 баронских имений.

Совещание постановило, что все делегаты поедут домой, где сделают доклады о положении вещей и, когда все будет подготовлено, то из Пернова будет послан делегат в Руен, где находился самый сильный отряд, и с помощью Руенского отряда в первую очередь будет разоружен Перновский гарнизон и его ружьями будут вооружены рабочие; к этому времени к ним присоединятся Валк и Мызакюл и, соединенными силами, все отправятся сперва на Феллин, а оттуда на Ревель.

По возвращении в Пернов, я доложил о положении дел и о постановлении совещания. Исполнит. бюро „Народного Комитета“ на своем расширенном заседании единогласно присоединилось к этому постановлению, добавив, что немедленно нужно начать вербовку людей для отрядов.

Делегатами в Руен наметили Криша и Табакина, которые до Мызакюла должны были ехать на паровозе. Для ускорения дела в Руен дали знать по телефону о выезде нашей делегации и предложили, чтобы Руенский отряд ждал ее в Мызакюле. Делегация же получила такие полномочия: если в Мызакюле к моменту ее прибытия соберется достаточно сил, их предполагалось разделить на две части, направив—одну на Пернов, другую на Феллин; если же Руенский отряд окажется небольшим, то он весь должен быть направлен в Пернов, где он будет встречен рабочими фабрики Вальдгофа.

Не знаю, по какой причине, вместо того, чтобы ехать на паровозе, наши делегаты поехали на извозчике, который, в виду распутицы, сильно запоздал. Далее, вместо того, чтобы ехать прямо до Мызакюл, эта почтенная делегация остановилась в Квелленштейне (не доезжая 12-ти верст до Мызакюла и на две версты в сторону от железной дороги) в трактире, выпила, как следует, и тогда лишь отправилась

дальше. Руенский отряд в несколько сот вооруженных людей, с санитарным отрядом, как было условлено, переехал в это время в поезде на станцию Мызакюл. Там встретили их рабочие Мызакюла и делегат из Феллина. Перновской делегации не было. Отряд ждал ее около трех часов, в конце концов начался спор, куда идти,—Феллинский делегат звал к себе на Феллин, часть хотела ехать обратно, думая, что их обманули, а начальник отряда решил отправиться в ближайшее баронское поместье,—зная, что в каждом таком имении имелось оружие; он хотел разоружить поместье и с добытым запасом оружия послать часть людей на паровозе к Пернову для выяснения дела. Посланные не доехали до Пернова верст 5—6, послав к городу несколько человек пешком для разведки. Разведчики вернулись с известием, что никакой подготовки к встрече отряда они не заметили. Недоумевающему отряду пришлось повернуть обратно не отказываясь, впрочем, от надежды дело как-нибудь все-таки выполнить.

Надо заметить, что и ту часть отряда, которая должна была попасть на барское имение, тоже постигла неудача. Слишком понадеявшись на свои силы, совершенно не зная местности, они шли напролом и, в конечном счете, были осыпаны градом пуль. Потеряв убитыми и ранеными несколько товарищей, не зная силы противников, они вернулись обратно в Руен, чтобы оттуда снова придти с подкреплением и более организованно.

Злосчастная Перновская делегация, в лице т. Криша и жуликоватого Табакина, приехала в Мызакюл уже тогда, когда рассыпавшийся в разные стороны отряд стал опять собираться. Тут уж нечего было делать. Неудача за неудачей сваливалась на наших ребят: неудавшееся нападение на баронское имение, неудачная рекогносцировка у Пернова, убитые, а, главное, неаккуратность Перновской делегации,—обескуражили всех; настроение упало и решено было отложить предприятие на некоторое время, самим разойтись, а в Пернов послать двух товарищей для об‘яснения по поводу происшедшего.

Между тем в воздухе запахло реакцией. Контр-революционная часть населения воспряла духом. Поднять вновь вопрос о восстании и разоружении гарнизона уже не было

возможности. Разбирать причины провала первой попытки восстания абсолютно не было времени. Потом уже, когда такие лица, как Криш и Табакин, выявились с подлинной их физиономией и мы узнали, с кем имели дело,—стала понятна и причина провала, но уже было поздно. Так и не удался наш план разоружения гарнизона и захвата власти в городе Пернове.

14. РЕАКЦИЯ НАСТУПАЕТ.

После постигшей нас неудачи настроение у всех значительно упало, авторитет наш был поколеблен; из уезда поступали тоже весьма неутешительные вести; крестьянский отряд, устроивший осаду имения „Коонга"—был разбит, потеряв несколько человек убитыми и ранеными. Состоятельная часть крестьянства перешла на сторону реакционеров и помогала помещикам ловить скрывавшихся батраков и партизанов.

Около Вендена были установлены форменные посты; у всех, проходящих через этот пункт, спрашивали документы. В городе тоже было не ладно. До сих пор колебавшиеся слои населения, смотрели на нашу организацию, как на силу, от которой многое зависит; теперь это настроение изменилось в корне, и в последнее время мы встречали всюду иронию и насмешки, нередко раздавались и угрозы; бывали даже случаи и нападения на нас.

Полиция пока еще ощутительно не показывала свои когти, но мы уже получили сведения, что она перестраивает свои ряды и вновь организуется. Солдатские патрули начали регулярно ночью совершать свои обходы. Пока они никого не трогали, но чувствовалось по всему, что в воздухе пахнет арестами, если не хуже. Собрания и митинги прекратились. Около 20—21 декабря стало известно, что Руен разгромлен оружейным огнем. Отовсюду доходили вести о расстрелах и виселицах. Избиения в счет не шли, для получения от 50 до 200 ударов достаточно было простого, голословного доноса о посещении митинга или участия на собрании. Говорили, что особенно свирепствует карательный отряд, составленный из матросов, уроженцев эстляндской губернии, под предводительством Орлова. Весь путь этого отряда отмечен будто бы трупами и виселицами.

В виду создавшегося положения исполнительное бюро „Народного Комитета" собралось еще раз для того, чтобы решить, что предпринять. Выяснилось, что Табакин удрал, захватив с собой деньги, собранные на покупку оружия; Людиг и Винтер сообщили, что они тоже собираются уехать. Что делать было остальным? Если уехать—нет денег. Мы решили остаться. Будь, что будет! В напряженном ожидании прошли еще два дня, и, вот, как раз накануне Рождества, 24 декабря, когда во всех церквах провозглашалось: „Мир на земле", и православное правительство усердно отбивало поклоны в честь этого мира и в предвкушении обильного обжорства,—повсюду начались повальные аресты.

Я жил у своих родителей, в 2-х верстах от города, и туда за мною явился целый отряд конных и пеших солдат. Возглавлял этот отряд помощник уездного начальника, тот самый помощник, который вечно расхаживал с патрулем по городу и по адресу которого я сказал: „Смелый он человек, не боится, что его могут убить". Эти слова были ему переданы в том смысле, будто-бы я собирался его убить и он намотал это себе на ус.

В момент появления облавы я спал, меня разбудил голос матери, кричавшей: „Генрих вставай! За тобой пришли". Открыв глаза, я увидал полную комнату народу и только в следующий момент, вглядевшись, разобрал, что это солдаты; часть из них стояла на страже около меня, другая заняла все выходы. „Ну, застрели же меня, как ты обещал"—было первое слово, которое я услыхал от помощника уезд. начальника. Обращаясь к солдатам, он с иронией заметил: „Этот человек обещался меня застрелить, если я не оставлю свою службу". Я, конечно, забыл весь разговор, но на суде это обстоятельство фигурировало, как одно из обвинений, и дало основание судьям применить ко мне 279-ю статью, угрожающую смертной казнью.

Обыскав всю квартиру, меня вывели на улицу. Везде перед окнами и у дверей стояли часовые. Не предполагал я, что на одного человека потребуется столько войска. Трусливая эта братия, видно, ожидала серьезного сопротивления. На улице нас ждали два извозчика и меня усадили на одного

из них между четырьмя солдатами. На другого извозчика уселся глава отряда и трое солдат, остальная команда сопровождала нас верхом и пешим порядком.

„Куда мы едем“,—думал я.—Уже миновали последние дома окраины города. Кругом поле, поле... Неужели расстрел без всякого суда!? А это было возможно. Неужели даже не будет устроена кукольная комедия, именуемая судом? Все эти мысли моментально промелькнули у меня в голове, я пытался было заговорить с сопровождавшими меня солдатами, но ни один из них не произнес ни звука. В конце концов один сказал: „Мы разговаривать с вами не имеем права“, и из этого я понял, что ими получены предварительные инструкции. Мы проехали версты три по тракту, когда впереди показалось несколько домов. У одного из них наша процессия остановилась. Кругом была абсолютная тишина. „Значит, я не последний“,—мелькнуло в голове,—„еще за кем-то приехали“. Полевой суд и карательный отряд здесь быть не могли, т. к. в этом случае здесь был бы гвалт, шум, пьянство, как во всяком людном месте этого свойства. Какому-то бедному товарищу уготовили такую-же участь, как и мне. Знал-ли он, какой опасности подвергнется через несколько минут? Знал-ли, что он, сейчас еще вольная птица, через некоторое время, так же как и я, будет сидеть между четырьмя винтовками и ждать неизвестного конца?

Помощник уездного начальника скрылся за воротами, забрав весь свой отряд и оставив меня под охраной одного из солдат, предупредив его, чтобы он держал ухо востро и глядел в оба. Вот тут-то развязался наконец язык у малого. На мой вопрос о том, приехал ли в город карательный отряд, он ответил:—„Нет пока, но ждут“. Узнал я, что в городе производятся усиленные аресты. Я спросил солдата: „Почему вы помогаете арестовывать, избивать и издеваться над нами, разве мы это заслужили, разве на твоей родине хорошо, полиция не притесняет твоих родных и правительство помогает беднякам“. Оказалось, что и у них в Смоленской губернии тоже идут сильные беспорядки. Но, что им, солдатам, делать? Все они—врозь, сопротивляться нет сил, надо или беспрекословно исполнять приказания, или идти под суд.

Так беседовали мы мирно вплоть до возвращения ушедших. Начальник отряда возвратился злой, как дьявол, на

постигшую их неудачу. Значит, тот, за кем они приехали, был умней меня и сумел схоронить концы. Потом выяснилось, что это была квартира товарища Сейлера, который, несмотря на соблюдаемую отрядом тишину, заметил приближение отряда и успел спрятаться в погреб, вход в который покрыли соломой и старыми тряпками.

Наш отряд повернул обратно к городу и через час ворота тюрьмы „гостеприимно“ распахнулись передо мною. „А, т. Клаас, и ты попал, значит—будем опять вместе“,—так встретили меня товарищи, когда надзиратели после поверхностного личного обыска втолкнули меня в полутемную камеру, где находилось уже человек 20 арестованных в этот день товарищей.

Аресты после этого продолжались еще несколько дней и общее количество политических заключенных в тюрьме дошло уже до 86 человек. Нам, членам „Народного Комитета“, пред‘явили 2-ю часть 102-й статьи Уголовного уложения, а кроме того нашли подлежащими военному суду по 279-й статье.

Результатом всего этого в отношении меня и нескольких человек было — ссылка на поселение, остальным — тюрьма на разные сроки, и т. д.

Так кончилось Перновское дело 1905 года.

СОДЕРЖАНИЕ.